

Смертельные
тайны

ЧАРЛИ ДОНЛИ

18+

ДВАДЦАТЬ
ЛЕТ СПУСТЯ

Смертельные тайны. Триллер

Чарли Донли

Двадцать лет спустя

«Издательство АСТ»

2021

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

Донли Ч.

Двадцать лет спустя / Ч. Донли — «Издательство АСТ»,
2021 — (Смертельные тайны. Триллер)

ISBN 978-5-17-150381-9

Эйвери Мэйсон, новоиспеченная ведущая популярной телепрограммы, готова на многое, чтобы поднять рейтинги. Опуститься в машине на дно бассейна, чтобы проверить, может ли выбраться из кабины тонущий человек, – легко. Расследовать дело двадцатилетней давности – почему бы и нет. Новая технология позволила судмедэкспертизе Нью-Йорка впервые за многие годы успешно идентифицировать жертву теракта 11 сентября. Неожиданное обстоятельство: жертву, Викторию Форд, обвинили в изощренном убийстве ее женатого любовника. Во время ледящего душу последнего телефонного звонка из рушащейся башни Виктория умоляла свою сестру доказать ее невиновность. Двадцать лет назад ее никто не услышал. Сегодня ее рассказ услышите вы.

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-17-150381-9

© Донли Ч., 2021

© Издательство АСТ, 2021

Содержание

Часть 1. Афера	11
Глава 1	11
Глава 2	13
Глава 3	16
Глава 4	19
Глава 5	22
Глава 6	26
Глава 7	28
Глава 8	30
Глава 9	32
Глава 10	36
Глава 11	39
Глава 12	41
Глава 13	44
Глава 14	46
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Чарли Донли

Двадцать лет спустя

Открытие порождает прогресс.

Повторное открытие порождает свободу.

Аноним

Charlie Donlea
TWENTY YEARS LATER

В книге присутствуют упоминания социальных сетей (Instagram, Facebook), относящихся к компании Meta, признанной в России экстремисткой и чья деятельность в России запрещена.

© Charlie Donlea 2021
© Максимова М.В., перевод, 2023
© ООО «Издательство АСТ», 2023

* * *

Катскильские горы
15 июля 2001 г.
за два месяца до 11 сентября
Воздух был пропитан смертью.

Он унюхал ее сразу же, как пролез под ограничительной лентой и шагнул на лужайку роскошного имения. Над крышей возвышались Катскильские горы, а утреннее солнце протянуло тени деревьев через двор. С предгорий накатывал прохладный ветерок и разносил запах разложения, так что у мужчины даже дернулась верхняя губа, когда запах достиг ноздрей. Запах смерти наполнил его восторгом. Он надеялся, что причиной тому было его первое дело в качестве новоиспеченного детектива по расследованию убийств, а не какой-то извращенный фетиш, о котором он не подозревает.

Полицейский проводил его через лужайку и вокруг здания на задний двор. Там и обнаружился источник мерзкого запаха. Под балконом второго этажа висела голая жертва, ступни болтались на уровне глаз, а из-за белой веревки вокруг шеи голова выглядела как леденец на сломанной палочке. Детектив поднял глаза на террасу. Туго натянутая веревка проходила над перилами и исчезала между французскими окнами, ведущими предположительно в спальню.

Детектив предположил, что труп вращался большую часть ночи и теперь, к сожалению, остановилась лицом к дому. К сожалению потому, что первым делом ему в глаза бросились голые мужские ягодицы. Дойдя до тела, он заметил на правой ягодице и верхней части бедра следы от ударов. Бледно-сиреневые рубцы резко выделялись на фоне синюшных трупных пятен на коже мертвеца.

Детектив достал из нагрудного кармана пару латексных перчаток и надел их. Из-за трупного окоченения тело мужчины распухло до предела, того и гляди разорвет. Его конечности словно набили тестом. Кисти были связаны за спиной веревкой, которая не давала распухшим и застывшим рукам распрямиться. Перережь эту веревку, подумалось детективу, и парень распотырится? как огородное пугало.

Он дал знак фотографу-криминалисту, ожидавшему на краю двора.

– Приступайте.
– Да, сэр.

Команда криминалистов уже осмотрела территорию, засняв все на фото и видео, чтобы зафиксировать первоначальный вид места преступления. Второй заход проводится после осмотра детективом. Фотограф поднял фотоаппарат и посмотрел в видоискатель.

– Что думаете? – спросил он, часто защелкав затвором, делая серию снимков. – Кто-то связал мужика и сбросил его с балкона?

Детектив посмотрел на второй этаж.

– Возможно. Или он сам связал себя и прыгнул.

Фотограф прекратил снимать и медленно выглянул из-за фотоаппарата.

– Такое случается чаще, чем вы думаете, – сказал детектив. – Таким образом они не могут себя спасти, если передумают. – Детектив показал на лицо покойника. – Сделайте несколько снимков кляпа у него во рту.

Обойдя тело, фотограф прищурился, глядя на рот жертвы.

– Это шарик? Как в садомазо?

– Отлично вяжется со следами порки на его заднице. Я схожу наверх глянуть, что удерживает этого парня.

В дополнение к латексным перчаткам на руках, перед тем как войти в спальню, детектив надел бахилы. Балконные двери открывались внутрь и выпускали в спальню тот же ветерок, который ранее наполнил его ноздри запахом смерти. Здесь, этажом выше, чем висящая в утреннем воздухе смерть, резкий запах был менее заметен. Детектив встал в дверях и обвел помещение взглядом. Явно хозяйская спальня. Сводчатый потолок высотой в двадцать футов. В центре королевских размеров кровать с четырьмя столбиками и тумбочками по бокам. У дальней стены шкаф, в зеркале которого отразился силуэт детектива. Белая веревка, перекинутая через перила, проходила через балконные двери и на уровне пояса тянулась через всю комнату, исчезая в гардеробной.

Он шагнул в комнату и последовал за веревкой. В гардеробной не было двери, лишь вход в виде арки. За ней он увидел просторное помещение с аккуратно развешанной на одинаковых плечиках одеждой. Вся заднюю стену занимал сосновый стеллаж с ячейками под обувь. Среди ячеек был устроен черный сейф высотой около полутора метров и весом, наверное, с тонну. Веревка крепилась затейливым узлом к ножке сейфа. Другой конец веревки, детектив знал, был затянут у мужчины на шее. Прыгнул ли он с балкона или его столкнули, но сейф сделал свое дело. На ковровом покрытии возле ножек не наблюдалось никаких вмятин, свидетельствующих о том, что вес мужчины сдвинул сейф хоть на сантиметр.

На полу рядом с сейфом лежал большой кухонный нож. Утренний свет, льющийся через балконные двери и попадающий в гардеробную, отбрасывал тень детектива на пол и дальнюю стену. Он достал из кармана фонарик и направил его на ковровое покрытие, осветив маленькие волокна рядом с ножом. Присел на корточки и рассмотрел их в ярком свете фонарика. На вид это были ошметки нейлона, оставшиеся после того, как кто-то резал веревку. Между ворсом покрытия скопилась маленькая лужица крови. Еще пара капель попала на рукоятку ножа. Детектив поместил рядом с кровью и волокнами треугольные желтые метки вещдоков и еще одну возле ножа.

Он развернулся и вышел из гардеробной, заметив на прикроватной тумбочке почти пустой бокал. Стараясь ничего не задеть, он поставил рядом еще одну желтую метку. На ободке остался след помады. Перешагнув натянутую веревку, он прошел мимо комода с зеркалом в ванную. Медленно осмотрелся вокруг и не заметил ничего необычного. Скоро придет команда криминалистов с люминолом и черным светом. В данный момент детектива интересовало первое впечатление от места. Крышка унитаза была открыта, но сиденье осталось опущенным и сухим. Вода в унитазе была желтого цвета, и его нос, догнав зрение, учуял едкий

запах мочи. Кто-то воспользовался туалетом, но не смыл за собой. В унитазе плавал одинокий клочок туалетной бумаги. Еще одна метка обозначила унитаз.

Детектив вышел из ванной в спальню и еще раз осмотрел ее. Вслед за веревкой прошел на балкон и посмотрел вниз на висящего мертвого мужчину. Вдалеке тонули в утреннем тумане Катскильские горы. Дом принадлежал очень богатому человеку, и детектива назначили выяснить, что с ним произошло. Всего за несколько минут он обнаружил кровь, отпечатки пальцев на бокале и образец мочи, которые с большой вероятностью принадлежат убийце.

В то время он понятия не имел, что все это укажет на женщину по имени Виктория Форд. И не мог предсказать, что через каких-то два месяца, как раз, когда он упорядочит все вещдоки и обвинительный приговор будет считаться делом решенным, коммерческие лайнеры – рейс 11 «Американских авиалиний» и рейс 175 «Объединенных авиалиний» – врежутся в башни-близнецы Всемирного торгового центра. Ясным солнечным утром три тысячи мужчин и женщин умрут, и дело детектива растает как дым.

Нижний Манхэттен

11 сентября 2001 г.

Стояло яркое безоблачное утро с голубым небом насколько хватало глаз. В любой другой день Виктория Форд посчитала бы его прекрасным. Но сегодня прохладный утренний воздух и ясное, чистое небо остались незамеченными. Все шло ужасно, и сегодня она сражалась за свою жизнь. Как и последние несколько недель. Она спустилась в метро в Бруклине и поднялась по лестнице из подземки в сияющее утро. Так рано на улицах еще не было обычных толп. Первый день учебы, так что многие родители изменили обычным утренним маршрутам, чтобы отвезти детей в школу и сделать первые школьные фотографии. Виктория воспользовалась пустыми тротуарами и быстро шагала по финансовому району к офису своего адвоката. Она миновала двери фойе и зашла в лифт, который за сорок пять секунд доставил ее на семьдесят восьмой этаж. Там она на эскалаторе поднялась еще на два уровня и толкнула двери офиса. В следующую секунду она сидела за столом напротив своего адвоката.

– Говорю начистоту, – сказал Роман Манчестер, как только Виктория села. – Это единственный способ, которым я сообщаю новости.

Виктория кивнула. Роман Манчестер – один из наиболее известных защитников в стране. А также один из самых дорогих. Но Виктория решила, что теперь, когда все катится в ад, Манчестер для нее наилучший вариант. На секунду Виктории показалось нереальным, что она смотрит на высокого мужчину с густой темной гривой и вспоминает, как много раз видела его по телевизору либо отвечающим на вопросы журналистов, либо проводящим пресс-конференцию, чтобы объявить о невинности своего клиента. Скоро и ее имя будет в этой категории, как и других мужчин и женщин, которых защищал Роман Манчестер. Но если это значит, что она избежит обвинительного приговора и тюрьмы, то ее это устраивает. Она с самого начала знала, что так будет.

– Вчера со мной связалась окружной прокурор и сообщила, что они собрали Большое жюри.

– Что это значит? – спросила Виктория.

– Если коротко, то, скорее всего, на этой неделе коллегии присяжных из двадцати трех человек представят все доказательства против вас. Мне не разрешено присутствовать, и процесс закрыт для публики. Окружной прокурор не пытается доказать вину в полной мере. Ее цель – показать присяжным имеющиеся на данный момент улики, чтобы определиться, есть ли основания для предъявления официальных обвинений.

Виктория кивнула.

– Мы с вами уже обсуждали это, но я кратко опишу дело против вас. Главное – вещественные доказательства. На месте преступления найдены ваши отпечатки пальцев, моча и

ДНК в виде крови. Все это выглядит неоспоримым, поскольку ордера на обыск расставили все точки над «и». Веревка на шее жертвы совпала с веревкой, которую следователи изъяли из вашей машины. Также есть и другие, менее важные, вещественные доказательства в дополнение к большому количеству косвенных улик, которые представят Большому жюри.

– Вы не можете их оспорить? Это входит в мою защиту.

– Я буду вас защищать, но не перед Большим жюри. Наш звездный час настанет, когда дело пойдет в суд. Но до этого еще много работы. Я смогу оспорить многие косвенные улики, но преодолеть физические, честно говоря, будет трудно.

– Я уже говорила вам, – сказала Виктория, – что меня не было в том доме в ночь, когда умер Кэмерон. Я не могу объяснить, как моя кровь и моча попали туда. Это ваша работа. Разве не за это я вам плачу?

– В свое время я увижу все улики и вгрызусь в них, чтобы проверить на прочность. Но это время еще не настало. А пока что я ожидаю, что Большое жюри вынесет обвинительное заключение.

– Когда?

– На этой неделе.

Виктория покачала головой.

– Что мне делать?

– Первым делом выяснить, сколько денег у вас в распоряжении и сколько еще вы можете получить от друзей и родных. Они понадобятся вам для залога.

– Сколько?

– Сложно назвать точную сумму. Я буду настаивать на том, что у вас нет арестов и судимостей и вы не склонны к побегу. Но окружной прокурор настаивает на убийстве первой степени, а по этому обвинению есть прецеденты залога. Минимум миллион. Скорее всего, больше. Плюс остаток моего гонорара.

Виктория уставилась в окно на здания Нью-Йорка, составляя в уме список своих активов. Чуть больше десяти тысяч долларов лежит на совместном с мужем сберегательном счете. Инвестиции выжмут еще восемьдесят тысяч, хотя, скорее всего, ей придется сражаться с мужем не на жизнь, а на смерть за каждый цент, поскольку счет зарегистрирован на них обоих. Они не разговаривали с тех пор, как во время расследования всплыли подробности ее измены, что, она знала, было неизбежно. СМИ обсосали каждую грязную подробность, распространяя их как можно шире. Вскоре после этого ее муж переехал.

Она может взять кредит под накопительный пенсионный счет, на котором лежит еще сто тысяч. Доля в их доме может принести пятизначную цифру. Но даже всего этого будет мало. Можно попросить у родителей и сестры, но Виктория знала, что это не поможет. Лучшая подруга Виктории владеет всеми деньгами мира, и для Натали Рэтклифф миллион долларов сущий пустяк. Для Виктории это единственный возможный вариант. Под тяжестью ситуации ее плечи опустились, а на глазах выступили слезы. Все должно было быть совсем не так. Каких-то пару месяцев назад они с Кэмероном были счастливы. Планировали совместное будущее. Но потом все изменилось. Беременность, аборт и все дальнейшее. Ревность и ненависть. Все произошло так быстро, что Виктория едва успевала осмыслить. И теперь она в центре кошмара, из которого нет выхода. Она отвела взгляд от окна и посмотрела на своего адвоката.

– Что будет, если я не соберу деньги?

Роман Манчестер поджал губы, взял кружку с кофе и медленно сделал глоток, после чего аккуратно поставил ее на стол.

– Думаю, вам лучше найти способ достать деньги, давайте остановимся на этом. Будет гораздо легче строить эффективную защиту, если до суда вы будете не в тюрьме. Не возможно, просто легче.

У Виктории гудела голова. Настоящая слышимая вибрация. Она представила, что это нейроны ее мозга пытаются осознать серьезность момента, пока не поняла, что это что-то другое. Вибрация реальная. Нарастающая тряска, от которой задрезжал ее стул и вздрогнул стол. Звук, который ее сопровождал, изменился с далекого гула на пронзительный вой.

Внезапно на периферии зрения мелькнул какой-то объект, но пропал до того, как она успела перевести взгляд на окно. Потом кабинет встряхнуло и закачало. Со стен попадали картины, разбился стакан, и в ту же секунду в уши ворвалась ударная волна взрыва. Свет мигнул, а на голову посыпалась потолочная плитка. Снаружи пропало видное еще секунду назад голубое небо. Его место заняла стена черного дыма, стершая яркое утреннее солнце. Такой же темный дым заструился из вентиляции, а ноздри заполнил не предвещающий ничего хорошего запах. Она почуяла запах, но не сразу распознала его. Не совсем точно, но больше всего он напоминал бензин.

Манхэттен, Нью-Йорк

двадцать лет спустя

Нью-йоркское бюро судебно-медицинской экспертизы располагалось в непримечательном шестиэтажном здании из белого кирпича в Кипс-Бей на пересечении 26-ой Восточной улицы и Первой авеню. Если бы кабинеты занимали два верхних этажа, из них открывался бы вид на Ист-Ривер и северную часть Бруклина. Но верхние этажи предназначались не для ученых и медиков, которые шастали по зданию. Их зарезервировали для систем очистки воздуха и воды. Циркулирующий внутри крупнейшей в мире криминалистической лаборатории воздух был чистым и сухим. Очень-очень сухим. Влажность вредна для ДНК, а выделение ДНК было одним из профилей лаборатории.

В холодном, сыром подвале располагалась лаборатория по обработке останков. Лаборант открыл герметичный замок криогенного бака, выпустив в воздух туман жидкого азота. Руки лаборанта защищал тройной слой латексных перчаток. Лицо закрывал пластиковый щиток. Лаборант погрузил в бак хирургические щипцы и достал из тумана пробирку. Ее заполнял белый порошок, который несколько минут назад был образцом маленького костного фрагмента. Жидкий азот использовался для заморозки кости, а затем замороженный образец интенсивно трясли в пуленепробиваемой пробирке. Результатом становилось полное превращение первоначального образца кости в мелкую пыль. Технология позволяла ученым проникнуть в наиболее глубокие слои кости, что увеличивало шансы выделить пригодную ДНК. Метод был необыкновенно прост и был разработан на основе двух фундаментальных понятий физики: законе движения и термодинамике. Если яблоко бросить в стену, оно разобьется на множество кусочков. Но если это же яблоко заморозить жидким азотом, а затем швырнуть в стену, оно разлетится на миллион кусочков. В деле выделения ДНК из костей чем больше кусочков получится из кости, тем лучше. Чем мельче порошок, тем еще лучше.

Лаборант поставил пробирку в подставку с десятком других пробирок, содержащих измельченные кости. Азотный дымок еще поднимался над последней пробиркой, а лаборант уже погрузил шприц в мензурку с жидкостью, набрал десять кубиков и добавил к измельченным костям экстракционный препарат. На следующий день в пробирках вместо костной пыли будет розовая жидкость. Именно из этой жидкости получают генетический код – набор из двадцати трех генов, уникальный для каждого человека на планете. Его ДНК-профиль.

В кабинете по соседству с лабораторией по обработке костей все четыре стены занимали ряды постоянно работающих компьютеров. Именно здесь ученые брали ДНК-профили, извлеченные из первоначальных костных фрагментов, и пытались сравнить их с профилями, хранящимися в базе Единой системы индексов ДНК. Но это была не национальная база данных, которой пользуется ФБР для сравнения ДНК-профилей, собранных на местах преступлений, с ДНК ранее приговоренных преступников. Здесь исследовали отдельный архив ДНК-профи-

лей, полученный от родственников жертв одиннадцатого сентября, личность которых так и не была установлена после разрушения башен.

Грег Нортон проработал в Бюро судебно-медицинской экспертизы три года. Большую часть этих лет он провел в компьютерной лаборатории. Каждое утро его встречала партия свежих ДНК-профилей, секвенированных из костных фрагментов, извлеченных из обломков башен-близнецов. Он вводил каждую последовательность в базу данных и искал совпадения. За три года работы не нашлось ни одного совпадения. Но этим утром, стоило ему сесть со второй чашкой кофе и защелкать по клавиатуре, внизу экрана замигал зеленый индикатор.

Зеленый?

Красный огонек означал, что совпадений с введенной последовательностью не обнаружилось, и Грег настолько привык к неудачам, что уже и не ожидал другого цвета, кроме красного. За время своей работы в БСМЭ он ни разу не видел зеленого индикатора. Он щелкнул по иконке, и на мониторе появились два ДНК-профиля: белые цифры на черном фоне. Они полностью совпадали.

– Босс? – осторожно позвал Грег, не сводя глаз с двадцати трех цифр перед собой, чтобы убедиться, что они не изменятся.

– Что такое? – спросил доктор Трюдо, печатавший что-то на клавиатуре в другом конце кабинета.

Как глава биологов-криминалистов, Артур Трюдо отвечал за идентификацию останков массовых жертв со всего штата Нью-Йорк. Почти двадцать лет его миссией было идентифицировать каждый образец, собранный у погибших при атаке на Всемирный торговый центр.

– Есть совпадение.

Пальцы Трюдо зависли над клавиатурой, и он медленно повернулся к Грегу Нортону.

– Повтори.

Лаборант кивнул и улыбнулся, продолжая смотреть на цифры на экране.

– Есть совпадение. Есть чертово совпадение!

Доктор Трюдо встал из-за своего стола и пересек лабораторию.

– Объект?

– Один-один-четыре-пять-ноль.

Трюдо подошел к компьютерному терминалу, подвинул к себе клавиатуру и напечатал цифры.

– Кто это? – спросил Грег.

Другие лаборанты услышали новость о подтвержденной идентификации и собрались вокруг. Трюдо пристально смотрел на монитор и маленькие песочные часы, которые вращались, пока компьютер проводил поиск. Наконец на экране появилось имя.

– Виктория Форд, – сказал он.

– Родственники? – спросил Грег.

Трюдо покачал головой:

– Родители, но они умерли.

– Другие контакты?

– Да, – отозвался Трюдо, прокручивая страницу вниз. – Сестра. Проживает в штате Нью-Йорк.

– Хотите, я позвоню?

– Нет. Давай прогоним еще раз для надежности. С начала до конца. Если совпадет второй раз, я ей позвоню.

– Это впервые за какое время, босс?

Доктор Трюдо посмотрел на молодого лаборанта:

– За много лет. А теперь прогони еще раз.

Часть 1. Афера

Глава 1

*Лос-Анджелес, штат Калифорния
пятница 14 мая 2021 г.*

Эйвери Мэйсон не искала славы. С таким кладбищем секретов в прошлом, слава – последнее, что ей нужно. И тем не менее она ее нашла. Получилось это случайно или намеренно – вопрос, на который ответит только психолог. Для этого потребовалось бы глубокое погружение в ее бурное взросление, изучение сложных отношений с отцом и честный самоанализ и саморефлексия – ни на что из этого у Эйвери не было времени. Потому что, как бы ни приходила слава, Эйвери знала наверняка, что она обрушивается, словно гигантская волна на берег. Ты или оседлываешь ее, или позволяешь ей тебя утопить. Эйвери выбрала оседлать, и весьма зрелищным образом.

В свои тридцать два года Эйвери Мэйсон являлась самой молодой ведущей «Американских событий», самой популярной информационно-аналитической телепрограммы, выходящей в прайм-тайм. Ее восхождение на вершину рейтингов было невероятным, статистически небывалым и неожиданным для самой Эйвери. Мак Картер был давним и популярным ведущим «Американских событий». Его смерть год назад во время освещения убийств в частной школе Вестмонт потрясла индустрию теленовостей. А также образовала вакансию в верхушке «Американских событий». В панике на место Мака назначили Эйвери, пока не найдут постоянного ведущего. Эйвери была частым автором программы, ее сюжеты неизменно зарабатывали высокие рейтинги. На самом деле, настолько высокие, что ее сделали первой соведущей в богатой истории программы. Эйвери занимала эту должность ровно месяц до смерти Мака Картера. Брошенная в центр пристального внимания и широко ожидаемого провала, Эйвери Мэйсон приняла роль главной ведущей прошлой осенью и преуспела. «Американские события» не только остались на вершине рейтингов, но их аудитория выросла на двадцать процентов.

Критики объясняли ее успех всплеском нездорового любопытства. Люди включали программу, говорили они, чтобы посмотреть, как эта неопытная женщина справится с чудовищным давлением замены одного из любимейших ведущих самой долгоживущей новостной телепрограммы. Проблема с их доводами состояла в том, что рейтинги Эйвери никогда не снижались. Молодость и привлекательность, конечно, помогали ее восходящей звезде, и Эйвери признавала, что ее внешность, вероятно, привлекла определенную мужскую аудиторию, которая в обычных условиях не смотрела информационно-аналитические программы. Но источником ее успеха была не внешность. Заоблачные рейтинги обеспечивались ее талантом, харизмой и содержанием ее программ. Способствовало этому и обилие упоминаний в прессе. За последний год она появлялась на обложках развлекательных журналов, дала бесчисленное множество интервью и фотосессий и стала объектом журналистского расследования, вышедшего в трех частях в «Журнале событий» и касавшегося ее природного умения держаться перед камерой и восхождения на вершину пищевой цепочки кабельных новостей. И несмотря на все это, она умудрилась сохранить свое прошлое в секрете.

Коньком Эйвери была криминальная документалистика. Находить неразгаданные тайны и препарировать их для зрителей таким образом, который цеплял и не отпускал. Она сделала себе имя мрачным и рискованным погружением в самые отвратительные преступления. Но для контраста с жуткими историями, которые она освещала, Эйвери также рассказывала истории выживания и надежды. Именно эти истории чудес и совершения невозможного удерживали

людей. Недели не проходило без того, чтобы Эйвери не воспроизводила подлинную оптимистичную историю, случившуюся со средним американцем, например, с Келли Розенштейн, женщиной, которая упала в своем минивэне в водохранилище Дэвилс-Гейт в Пасадене после того, как пьяный водитель выдал ее с дороги. Несломленная мать четверых детей не только сумела выбраться из тонущего автомобиля, но чудесным образом вытащила всех детей. Эйвери взяла у нее интервью через неделю после аварии. В США каждый год шестьсот человек погибают в утонувших автомобилях, как эта мамашка умудрилась выбраться? Все просто. Много лет назад Мак Картер демонстрировал лучший способ выбраться из машины после того, как она пошла ко дну озера. Келли Розенштейн смотрела выпуск и запомнила увиденное.

Эта история настолько тронула Эйвери, что она решила посмотреть старую запись. Вот так она оказалась за рулем минивэна внутри школьного водного центра с готовой к съемке телевизионной командой. Во время сегодняшних съемок огромный подъемный кран поднимет фургон над бассейном и сбросит его, вместе с Эйвери, на дно. Установленная под водой камера заснимет попытку Эйвери выбраться из тонущей машины. Она, безусловно, боялась до смерти, и ей даже не было стыдно.

Эйвери знала, что Америка любила Мака Картера за его каскадерские трюки, и не могла придумать лучшего способа завершить свой первый полный сезон в качестве ведущей «Американских событий», чем отдать дань памяти своему предшественнику. Сегодняшняя съемка станет ее пропуском. Это будет последний эпизод перед летним отпуском. Перед летом, которое, без сомнений, станет самым напряженным в ее жизни. Эйвери следовала за ниточкой из Нью-Йорка, которая, по ее мнению, обладала потенциалом: останки женщины, погибшей во время атаки на Всемирный торговый центр одиннадцатого сентября, только что идентифицировали при помощи многообещающей новой технологии ДНК. И Эйвери хотела заполучить возможность рассказать историю. Если она выживет после сегодняшнего трюка, то отправится в Нью-Йорк на поиски концов.

По крайней мере, такова ее легенда. Она считала, что это идеальное прикрытие.

Глава 2

Лос-Анджелес, штат Калифорния

пятница 14 мая 2021 г.

Минивэн «Хонда» стоял на гидравлическом лифте сбоку от плавательного бассейна одной из лос-анджелесских школ. Эйвери выбрала марку и модель из-за ее связи со средним классом. Минивэн – одно из самых распространенных транспортных средств в Соединенных Штатах. Может быть, смотреть, как в школьном бассейне тонет «БМВ» за шестьдесят тысяч долларов, и увлекательно, но демонстрировать домохозяйкам, как выбраться из тонущей машины, гораздо лучше на самой обычной, типовой модели.

Эйвери в третий раз за минуту проверила замок ремня безопасности. Кристин Свонсон, ее исполнительный продюсер, наклонилась к открытому окну с водительской стороны.

– Все хорошо? – спросила она.

Эйвери кивнула.

– Покажи мне еще раз знак прерывания, – сказала Кристин.

Эйвери выпрямила четыре пальца на правой руке и помахала ими туда-сюда перед горлом.

– Если ты вдруг запаникуешь или просто забудешь, что делать, подай знак прерывания, и водолазы вытачат тебя за десять секунд. Поняла?

Эйвери кивнула.

– Словами, Эйвери! Мне надо слышать твой голос.

– Да, Кристин! Я поняла, ради бога. Давайте начинать.

– Сейчас мы опустим тебя и машину, в которой ты сидишь, на дно бассейна, – спокойно сказала Кристин, стараясь погасить момент паники. – Я хочу убедиться, что твоя голова на месте.

– Конечно, моя голова не на месте, Кристин. Если бы была, я бы этого не делала. И если мы не ускоримся, я струшу. Так что давайте приступим.

Кристин кивнула:

– Ладно. Давай.

Кристин попятилась от минивэна, сунула пальцы в рот и свистнула. Режущий уши звук отразился от стен просторного водного центра.

– Поехали!

Громкое гудение заполнило внутреннее пространство, когда заработала гидравлика крана и дернула платформу со стоящим на ней минивэном вверх. Эйвери вцепилась в руль до побелевших костяшек, словно ехала сквозь сильный ливень. Она подняла стекло, и шум снаружи – громкие указания продюсеров, команды инженеров оператору крана, гул гидравлики и разговоры трехсот зрителей, заполнивших убираемые трибуны и обозначавших зрителей в студии, – стих. Теперь Эйвери слышала только свое чрезмерное дыхание. Исчез даже запах хлорки.

Наконец подъем закончился, и машина снова дернулась, когда задняя часть платформы начала задираться, опуская нос минивэна вниз к воде. Тьма инженеров, консультирующих трюк, решила, что тридцать восемь градусов – наиболее точный угол наклона, чтобы лучше представить автомобиль, съехавший с дороги и рухнувший в воду. Эйвери казалось, что она висит вертикально над обрывом. Ремень безопасности туго давил на грудь, пока гравитация тянула ее вперед. Она уперлась ногами в пол, чтобы сохранить положение на водительском кресле.

Минивэн качнулся вперед, и все восемь дорожек бассейна стали видны в лобовое стекло. На поверхности воды отражались прожектора, установленные вокруг. Красные разделители

дорожек покачивались на волнах и казались только ярче из-за подводного освещения. Эйвери увидела зависших у дна водолазов-спасателей, пузыри из их аквалангов создавали рябь на поверхности, пока они ждали ее погружения на четыре метра под воду. Во время планирования она вообразила, что ей будет легче от их присутствия. Будто знание того, что помощь всего в нескольких метрах, обеспечит ей спокойствие, пока минивэн будет идти ко дну. Будто знание, что ей нужно лишь подать знак прерывания, и водолазы немедленно вытащат ее из машины, успокоит ее нервы и придаст уверенности. Но сейчас, зависнув над бассейном, ощущая вес своего тела на ремне безопасности, она не испытывала ни спокойствия, ни уверенности. Все может пойти не так. Что, если она не сумеет успешно исполнить приемы, которым ее научили эксперты по выживанию? Что, если ее разум замрет и она просто не вспомнит, что делать? Что, если ремень безопасности заклинит от силы удара? Что, если окно не разобьется, как положено? Что, если водолазы не увидят ее знак? Что, если...

Внезапно ее мысли прервало ощущение падения. Это освободились стропы, державшие минивэн на месте. Она была в свободном падении. По ощущениям, прошло гораздо дольше предполагаемых трех секунд, требуемых, чтобы скатиться с края платформы и пролететь четыре с половиной метра перед ударом о воду. За эти застывшие секунды Эйвери заметила на другом конце бассейна телекамеру, одну из восьми, расставленных по водному центру. Еще четыре «ГоуПро»-камеры закрепили внутри машины, их красные индикаторы вдруг показались яркими и подглядывающими. Перед самым ударом Эйвери мельком увидела экран размером как в кинотеатре, который будет показывать ее успехи зрителям, занявшим трибуны вдоль бассейна, ставшего их студией. А потом как грохнуло.

Удар вышел резким. Ремень безопасности впился Эйвери в грудь, а голову мотнуло вперед. Минивэн прорезал воду, а затем, как будто к его заднему бамперу была привязана резинка, начал движение назад. Это подъемная сила воздуха, заключенного внутри автомобиля, выталкивала его обратно на поверхность. Фургон качался вверх-вниз, пока мать природы искала центр тяжести, а затем начала медленно затягивать его под воду двигателем вниз. Вода просачивалась в невидимые щели и начала заполнять салон. Эйвери изо всех сил старалась контролировать панику, которая росла с каждой секундой. Однако паника была на пользу. Значит, она осознает, что происходит и не страдает «поведенческим бездействием» – синдромом, описанным экспертами по выживанию, консультирующими эпизод. Его еще называют «нарушением ожиданий». Это ответ мозга на травмирующую ситуацию: мозг пытается связать происходящее с известным опытом в прошлом. Пока лобная доля нарезает круги, безуспешно пытаясь найти похожую ситуацию, от которой можно оттолкнуться, тело замирает и ждет указаний от мозга. Таково научное объяснение широко известного феномена «олень в свете фар».

К счастью для Эйвери, она не испытывала никаких затруднений. Синапсы ее мозга метнулись к предыдущему опыту, когда ей пришлось бороться с неумолимой водой, которая пыталась ее утопить. Она помнила день, когда ее яхта затонула у берегов Манхэттена и она чуть не попрощалась с жизнью. Невозможно вспоминать тот день и не думать о брате. И теперь эти мысли о Кристофере вернули ее в настоящее. Минивэн тонул, и вода быстро заполняла салон. Эйвери подумала было помахать рукой у горла и положить конец этому безумию. Но потом вспомнила Келли Розенштейн, мать, у которой не было варианта отказаться, когда ее машина с четырьмя детьми шла ко дну водохранилища Дэвилс-Гейт. Чудо, что Келли осталась достаточно собранной для того, чтобы спасти себя, не говоря уже о детях. И еще более удивительно, что она приписала свое спасение просмотру эпизода «Американских событий». Если то, чему Эйвери научилась у экспертов по выживанию за последнюю неделю, теперь поможет показать всем, как спасти жизнь, стоит как минимум приложить усилия.

Пока фургон заполнялся водой, Эйвери отстегнула ремень безопасности, повернулась боком на водительском сиденье, подняв ноги из натекающей снизу воды, и села лицом к двери. Она оперлась на консоль между сиденьями и прицелилась ногой в угол водительского окна.

Эксперты по выживанию сказали, что ключом является нижний правый угол. Стык закаленного стекла и рамы – самое слабое место окна. Если грамотно ударить, можно вынести стекло из рамы одним куском. В то время как удар по центру окна проделает дыру в закаленном стекле и порежет ей ногу на кусочки. Открыть дверь не получилось бы, поскольку вода уже поднялась до середины окна и внешнее давление было слишком сильным.

Эйвери согнула ногу, поднеся колено к лицу, правой рукой вцепилась в руль, а левой – в подголовник водительского кресла, и ударила в угол окна. При ударе она закрыла глаза, ожидая, что вода хлынет в отверстие. Когда ничего не произошло, она открыла глаза. Удар не получился. Фургон погрузился глубже в бассейн, теперь вода плескалась выше водительского окна. Эйвери закрыла глаза и ударила еще раз. На этот раз из угла по стеклу разбежалась паутина трещин. Чувствуя повсюду вокруг себя объективы – от камер «ГоуПро», установленных внутри фургона, до подводных камер, расположенных в бассейне и наведенных на нее, – она еще раз отвела ногу и ударила изо всех сил. И моментально почувствовала поток воды. Он был холоднее, чем она представляла, и настолько мощным, что ее мгновенно накрыло с головой.

Паника усилилась, когда Эйвери поняла, что забыла про инструкции эксперта по выживанию: набрать побольше воздуха, прежде чем выбивать окно, поскольку вода, которая очень быстро ворвется внутрь и накроет ее с головой, не даст ей вздохнуть. Он был прав. Она не только забыла наполнить легкие воздухом, прежде чем вода добралась до нее, но три удара, которые потребовались, чтобы выбить окно, отняли у нее слишком много сил. Она отчаянно нуждалась в глотке воздуха. На мгновение ее охватило отчаяние, но потом она осмотрелась вокруг. Под водой было тихо и спокойно, а зрение расплывалось меньше, чем она представляла. Эйвери заставила себя успокоиться. Когда сталкиваешься с ситуацией жизни или смерти, спокойствие – первое правило выживания.

Когда фургон завершил свой четырехметровый спуск на дно, Эйвери закрыла глаза и позволила ушам привыкнуть к давлению. Когда фургон коснулся дна с гораздо более мягким ударом, чем несколькими секундами ранее, когда он рухнул в воду, она открыла глаза и увидела оператора, наведшего объектив на выбитое окно. Увидела, что водолазы внимательно следят, не даст ли она сигнал прерывания. Вместо этого она просунула ноги в окно, вцепилась пальцами правой руки в поручень над дверью и одним гладким движением выскользнула наружу. Затем она выпрямилась, показала оператору большие пальцы и поплыла к поверхности.

Подводные съемки получились зрелищными. Кристин устроила адскую рекламную кампанию, и выпускала тизеры во всех социальных сетях вплоть до даты выхода, назначенной на майскую неделю изучения охватов. Когда «Минивэн», так назвали эпизод, вышел, Эйвери Мэйсон и «Американские события» заработали самые высокие рейтинги в истории программы.

Глава 3

Плайя-дель-Рей, штат Калифорния

суббота 5 июня 2021 г.

Задним двором Мосли Жермену служил Тихий океан. На самом деле это была живописная полоса пляжа и океан, но первым, что замечали все при входе в дом Плайя-дель-Рей, был величественный вид на воду через каждое из панорамных окон. Открытая концепция дизайна включала в себя кухонный остров, перетекающий в просторную гостиную. Этим вечером раздвижные стеклянные двери в патио были открыты, скрывшись внутри стен, как будто их никогда и не было, и позволяя океанскому бризу гулять по дому. Патио состояло из нескольких уровней и было выложено импортным итальянским камнем. В центре, всего в нескольких шагах от бассейна, возвышался длинный прямоугольный стол, словно украденный из конференц-зала. Он был накрыт на сорок гостей, на каждом месте педантично стояли две тарелки, три бокала, столовые приборы под идеальными прямыми углами и именная табличка, определяющая рассадку, составленную лично мистером Жерменом.

Сегодня проводилась ежегодная, приуроченная к окончанию сезона встреча лиц сети «Эйч-Эй-Пи Ньюс», текущего лидера рейтингов. С большим отрывом. У руля медиа-гиганта стоял Мосли Жермен, возглавлявший «Эйч-Эй-Пи Ньюс» с девяностых. Его наняли, когда сетка вещания в прайм-тайм велась никому не известными людьми, рейтинги падали, а сама сеть была незначительной. Но Жермен обладал собственным взглядом на подачу новостей. Он выбирал ведущих и диктовал контент. Если программе не удавалось привлечь должную аудиторию, он менял ведущих на новых. Если час важных политических новостей не мог конкурировать с вечерними выпусками крупной сети, ориентир смещался в пользу нового лица. Он делал так достаточно часто, чтобы держать своих сотрудников в узде и в тонусе, и дать всем понять, что зрители настраиваются на «Эйч-Эй-Пи Ньюс», а не на одного-единственного человека. Но если программа имела успех и выделялась среди остальных, он следил, чтобы ведущий был счастлив – загнан в угол и не имел других вариантов, но в остальном счастлив. Мосли Жермен был виртуозным кукловодом, контролирующим все, что происходило в сети. Сегодня праздновали очередной успешный сезон в топе кабельных новостей, а по факту, всех кабельных программ. Это было ежегодное торжество во впечатляющем прибрежном поместье босса, где отмечали успех, демонстрировали богатство и идею, что при самоотдаче, усердии и верности все возможно для немногих избранных, которых пригласили. Эйвери Мэйсон ненавидела каждую минуту.

Она приехала одна. Она не состояла в отношениях – еще одна тема для обсуждения с психологом, – но даже если бы состояла, привести спутника на эту ежегодную пытку было бы плохой идеей. Ей надо быть бдительной. Ей надо быть в форме. Нельзя отвлекаться, когдаходишь в логово льва. Мистер Жермен известен тем, что загоняет свои таланты в угол и вынуждает согласиться на то, чего они не планировали. Контракт Эйвери заканчивается через каких-то пару недель, и пока что были лишь легкие переговоры относительно ее будущего в «Эйч-Эй-Пи Ньюс» и в качестве ведущей «Американских событий». Эйвери отказалась от продления контракта, которое ей предложили несколько недель назад. Это был пробный шар с целью выяснить, какая степень сопротивления ждет сеть. Эйвери при помощи своего агента сразу отказалась под предлогом того, что хочет сосредоточиться на последних двух месяцах «Американских событий» и удержать их на вершине рейтингов, прежде чем беспокоиться о чем-то малозначимом вроде денег или будущего своей карьеры. Чушь полная. Она это знала, Мосли Жермен это знал, и любой начальник в сети это знал. Но Эйвери сформулировала свой отказ таким образом, что мистеру Жермену было сложно возразить. И он не стал. Но сегодня, в собственном доме, он наверняка это сделает.

С точки зрения рычага давления, ход был золотым. Она закончила сезон на высочайшей вершине и теперь может вернуться за стол переговоров с кое-каким оружием. Эйвери и ее агент работали над встречным предложением, но пока что держали сеть в подвешенном состоянии. Теперь же, подъезжая к пляжному дому своего босса, Эйвери была на пределе. Ее присутствие в доме Мосли Жермена наверняка приведет к беседе с боссом насчет ее планов на будущее. Вечер был объявлен как праздник, время отложить бизнес и наслаждаться успехом, которого все они добились в «Эйч-Эй-Пи Ньюс». Но Эйвери была умнее. Сегодняшний вечер – хорошо срежиссированная засада, и ей надо быть готовой.

Она въехала на своем «Рендж Ровере» в ворота и на круговую подъездную дорожку. Для удобства гостей Жермен нанял парковщиков, и Эйвери сдала свою машину – подарок, который купила себе после назначения ведущей «Американских событий», – вежливому юноше, который в обмен вручил ей бирку. Для этого вечера Эйвери оделась стратегически. На ней были зауженные брюки, подчеркивающие ее длинные ноги. При росте метр пятьдесят пять ей не требовалось много помощи. Белая блузка без рукавов демонстрировала ее подтянутые руки и распространяла ауру силы, которая всегда требовалась при взаимодействии с Мосли Жерменом. Ее волосы с рыжиной были стянуты в стильный хвост, чтобы не лезли в лицо, когда задуют ветра Плайя-дель-Рей. Стоять лицом к лицу с мистером Жерменом и постоянно заправлять непослушные пряди за ухо было бы помехой, которую она не могла позволить. Она поднялась по ступенькам, стуча каблуками по камню, – еще один тактический ход. Каблуки поднимали ее ровно до метра восьмидесяти. Когда Жермен сумеет ее найти, она будет смотреть ему в глаза.

У входной двери ее приветствовала хостес с подносом шампанского. Эйвери взяла один бокал и пригубила. Как обычно, одно из лучших, что она пробовала. Жермен не жалел денег на ежегодные приемы, на которые Эйвери приглашали уже дважды.

Она только миновала фойе и подошла к кухне, когда увидела Кристин Свонсон.

– А, ты добралась, девочка! – сказала Кристин.

– Слава богу. – Эйвери схватила ее за руку. – Доложи мне разведанные. Коротко обрисуй обстановку.

– О-о, ты готова к бою. Мне нравится.

– Надо было надеть камуфляж.

– Жермен в патио и в праздничном настроении. И мистер Хиллари также почтил нас своим присутствием.

– Хиллари?

Миллиардер Дэвид Хиллари был владельцем коммуникационной корпорации, в которую входила «Эйч-Эй-Пи Ньюс». Поскольку он был председателем совета директоров, мало что из происходящего в компании обходилось без его грифа утверждения.

– Да. Он в белом костюме из жатки, выглядит, как будто только что вышел из вертикального солярия, и с пятой женой под ручку. Она выглядит, как будто только что закончила колледж.

– Вероятно, по специальности коммуникации.

Это рассмешило Кристин.

– Степень ей не понадобится. Если она умна, то через пару лет разведется с ним и заберет сто миллионов.

– Мне всегда нравится, когда одна из его бывших отбирает кусок его состояния, – сказала Эйвери. За время короткого пребывания Эйвери в «Эйч-Эй-Пи Ньюс» это случалось дважды.

– Почему баснословно богатые мужчины настолько глупы, когда дело касается женщин? – спросила Кристин.

– Потому что они думают членами и ничего не могут с этим поделать.

В памяти всплыл образ отца. Она быстро отогнала его. Сегодня она не может позволить себе отвлекаться на посторонние мысли, а ненависть, которую она испытывает к отцу,

самая отвлекающая из них. Отец – это еще одна тема для обсуждения с психологом, которого она когда-нибудь наймет. Но сегодня вечером ей надо быть сосредоточенной и расчетливой. Эйвери сделала большой глоток шампанского, осматривая толпу. Она позволит себе всего один бокал, после чего перейдет на сельтерскую со льдом и каплей лимона. Она хотела бы непринужденно влиться в общество, но ей нужна ясная голова. Шампанское весьма подходило для подобного способа. Оно помогало расслабиться, чего не могли водка и вино, и требовалось его всего несколько унций.

– Каков план? – спросила Кристин.

– Давай улизнем на пляж и спрячемся до ужина.

Это тоже была стратегия. Эйвери хотела, чтобы мистер Жермен, а теперь и мистер Хиллари, знали, что она приехала. Но также она хотела не попадаться им на глаза. Она будет избегать их как можно дольше. Достаточно долго, чтобы они выпили слишком много и утратили хватку. Затем, когда накроют ужин, она отыщет предписанное ей место за длинным столом, нацепит широкую улыбку и сядет с другими персонами, входящими в состав «Эйч-Эй-Пи Ньюс». Недостигаемая и неуязвимая. По крайней мере на ночь. А завтра будет новый день.

– Спрятаться на пляже звучит восхитительно, – сказала Кристин. – Я стащу бутылку «Дома», или что это за великолепиие, и встречу тебя там.

Она быстро чмокнули друг друга в щеки и разошлись в противоположные стороны. Эйвери начала осторожно пробираться сквозь присутствующих, изо всех сил избегая мин, которые, она знала, ее ждали.

Глава 4

*Плайя-дель-Рей, штат Калифорния
суббота 5 июня 2021 г.*

В дополнение к своему исполнительному продюсеру Эйвери уговорила спрятаться с ней на пляже еще Кейтлин Карсон, ведущую утренней программы. Прибой катился им навстречу высокими волнами, которые врезались в берег, прежде чем выдохнуться в нескольких шагах от них. Рев прибоя дополнял вокал, доносившийся от группы из трех человек, играющей в патио Мосли Жермена какой-то фолк – кавер «Луминирс» или, может, «Мамфорд и сыновья». Атмосфера соблазняла Эйвери на второй бокал шампанского. Она сопротивлялась.

С пляжа дом казался величественным зданием со сланцевой кровлей и штукатуркой, освещенной заходящим солнцем. Прямые стволы пальм рисовали длинные тени по бокам участка. Деревянные мостки пересекали узкую полосу камней и рогоза, отделявшую дом от пляжа. Все двери и окна были открыты, объединяя жилое пространство дома с патио, занятым талантами «Эйч-Эй-Пи Ньюс», начиная с утренних до дневных, с прайм-тайм до выходных.

– Твой последний эпизод был сумасшедшим, – сказала Кейтлин Карсон. – Понятия не имею, как ты это сделала. Я до смерти испугалась за тебя.

Эпизод Эйвери с тонущим минивэном, который она посвятила своему погибшему предшественнику, не терял своей популярности. Это был не только самый просматриваемый час сезона, но и набрал миллионы просмотров на онлайн-стриминговом сервисе сети.

– Чего не видно по телевизору, – сказала Эйвери, – так это водолазов-спасателей, окруживших фургон и готовых спасти меня, если возникнут какие-то проблемы.

– Да хоть сам Аквамен был бы в этом бассейне, я бы никогда так не смогла. Все здесь обсуждали это.

– Надо благодарить Кристин, что все выглядело так хорошо.

Кристин покачала головой:

– Мне не пришлось делать ничего, кроме как запустить пленку. Все остальное сделала ты.

– Я слышала, рейтинги побили все рекорды, – сказала Кейтлин.

– Действительно, побили, – раздался глубокий голос позади них.

Эйвери почувствовала, как улыбка сползла с ее лица, когда обернулась и увидела не только Мосли Жермена, но и Дэвида Хиллари. Она быстро взяла себя в руки и заставила себя улыбнуться снова.

– С «Американскими событиями» твоя звезда по-настоящему засияла, – сказал Мосли.

Тонкий выпад – что именно программа создала популярность Эйвери – не прошел незамеченным. Как и факт, что она сняла туфли, чтобы пройтись по песку. Когда Мосли подошел к ней, ей очень захотелось вернуть недостающие сантиметры.

– Мосли, – сказала Эйвери, все еще улыбаясь. – Дом прекрасен, как всегда.

– Благодарю. Отсюда напрашивается вопрос, почему вы прячетесь здесь, на пляже.

– Не прячемся. Просто наслаждаемся атмосферой. Должно быть, потрясюще иметь по соседству океан.

– Мы надеялись, что ты выпьешь с нами перед ужином, – сказал Дэвид Хиллари, направляя разговор, несмотря на все усилия Эйвери завести непринужденную беседу.

– Я не видела вас, когда приехала, – сказала Эйвери Жермену. – И, мистер Хиллари, я даже не знала, что вы здесь. Такой подарок. – Она показала на белую жатку. – Мне нравится ваш костюм.

– Ужин сейчас подадут, – сказал Мосли. – Так что, полагаю, у нас нет времени на выпивку.

– Уже? Мне казалось, я только приехала. Мы с Кристин общались с Кейтлин. В последнее время мы мало видимся.

Мосли улыбнулся. Он посмотрел на Кейтлин и Кристин.

– Не против дать нам с Дэвидом минутку с Эйвери?

– Конечно, – сказала Кейтлин.

Кристин кивнула:

– Конечно.

– Все рассказываются, – сказала Мосли. – Мы будем через минуту.

Несмотря на все усилия избежать именно этой ситуации, Эйвери оказалась наедине не только со своим боссом, но и с боссом босса.

– Эйвери, – сказал Дэвид после того, как Кейтлин с Кристин ушли. – Я хотел поговорить наедине, чтобы сказать, как сильно впечатлен тем, что ты сделала в этом году в «Американских событиях». Ты действительно погрузилась в программу и дала ей продемонстрировать твои сильные стороны как журналиста и ведущей.

Эйвери улыбнулась. Еще один двусмысленный комплимент. Она прикусила язык и не поддавалась на приманку. Если не быть осторожной, все это быстро станет неприятным.

– Мы с Мосли недоумеваем, почему ты отказалась продлевать контракт.

– Да, об этом. Мы с моим агентом готовим встречное предложение, просто пока не довели его до ума.

– Мы предложили продление несколько недель назад.

– Знаю. Я сосредоточилась на завершении последних нескольких эпизодов «Американских событий» и, к сожалению, занималась только программой.

– Понимаю, – сказал Дэвид. – Но сезон закончился, и нам нужен твой ответ. Согласна ты или нет. Видишь ли, мы не просто так руководим одной из самых успешных телевизионных сетей. Мы планируем будущее и не любим сюрпризов. Мы пытаемся закрепить осенний состав, и нам надо знать, включать тебя или нет.

– Конечно. Я встречаюсь с Дуайтом на этой неделе.

– Какие проблемы с предложением? – спросил Мосли. – Мы слышали только, что ты отказалась от него, но без конкретики.

– Ну... – начала Эйвери. – Знаете, я не готова обсуждать это сегодня. Может, отложим до следующей недели, когда я смогу пригласить Дуайта?

– Время – деньги, – сказал Мосли. – У нас жесткие сроки, чтобы организовать все к осени. Возможно, ты могла бы намекнуть, с чем связана задержка.

Это было больше утверждение, чем вопрос.

– Дуайт застрял на сумме в долларах, – сказала Эйвери.

– Дуайт Кори застрял? – спросил Дэвид.

– С первого взгляда, да. Но теперь, когда программа завершила сезон, мы с ним собирались доработать цифры.

– Предложенная годовая компенсация очень щедрая и ставит тебя в один ряд с твоими коллегами. Мы считаем, что после всего лишь первого года в качестве ведущей – это весьма щедро.

Эйвери так и подмывало указать, что ставить ее «в один ряд» с ее конкурентами – это оскорбление. За последний год она каждую неделю опережала своих ближайших конкурентов по рейтингу, так что сети следует награждать ее не за равенство с другими персонами, а за то, что она намного превосходила их при каждом показе. Также ей хотелось заметить, что некорректно для этих двух напыщенных эгоманьяков изолировать ее на пляже и использовать свои властные полномочия, чтобы испугом вынудить обсуждать контракт без присутствия агента. Но она проглотила свои порывы и выдавила фальшивую улыбку, которая без слов сказала им все, что она думает о предложении.

– Как я сказала, обещаю внимательно изучить контракт на этой неделе, теперь, когда у меня появилось свободное время. И Дуайт сразу же вернется к вам с нашими мыслями.

– Сделай, – сказал Дэвид. – Мы ждем ваших мыслей. «Американские события» на летних каникулах, но мы не можем позволить программе слишком долго быть в подвешенном состоянии. «Американские события» закончили первыми в рейтингах, и мы хотим осенью начать с того же места, где закончили. Если ты по каким-то причинам решишь не принимать в этом участия, нам хотелось бы иметь достаточно времени, чтобы выбрать твоего преемника.

– Список длинный, – сказал Мосли. – Претендентов. «Американские события» обладают способностью делать звездой любого, кто их возглавляет. Если ты решишь расстаться, сеть хотела бы иметь некоторое время на подготовку нового ведущего к тому, что требуется для руководства «Американскими событиями».

Эйвери очень хотелось вывести их на чистую воду. Заменить ее сейчас, после самого успешного сезона программы, было бы самоубийством. Но она подыграла.

– Я позвоню Дуайту утром. И мы сразу займемся.

Оба мужчины кивнули, словно разговор прошел именно так, как и планировалось. затем развернулись на песке и направились обратно к дому. После их ухода Эйвери потребовалась пара минут, чтобы унять дрожь. Наконец она пересекла пляж и мостки. Последние лучи солнца отбрасывали ее тень тонким силуэтом перед ней. Ветер был свежим и прохладным, и она поняла, насколько вспотела. Дойдя до патио, она надела свои туфли и прошла вдоль бассейна, который светился красным из-за подводной подсветки, мимо факелов тики, воткнутых в землю по периметру патио и вокруг столов с газовым очагом посередине, дававших достаточно тепла, чтобы сдерживать холод океанского бриза. Официанты толкали тележки с блюдами – жареная утка с овощами – и начали подавать ужин. Стоило Эйвери занять предназначенное ей место, как Мосли Жермен встал со своего трона во главе стола и слегка постучал вилкой по бокалу, чтобы привлечь всеобщее внимание.

– Я хочу официально приветствовать всех на этом великолепном вечере. Мы собрались, чтобы отпраздновать наш коллективный успех как бессменного лидера кабельных новостей вот уже одиннадцать лет. Таким блестящим достижением мы обязаны не кому-то одному из нас, и никто в одиночку не может присвоить его. Это был – и будет – коллективный труд.

Он поднял бокал:

– За прошлые достижения и будущие успехи.

Все присоединились к нему.

– Ура!

Эйвери потянулась к стоящему перед ней бокалу с шампанским, быстро подняла его и сделала щедрый глоток, нарушив свое правило одного бокала. Ее стратегия уже пошла прахом. Какой смысл оставаться трезвой?

Глава 5

Коронадо, штат Калифорния

вторник 15 июня 2021 г.

– Семьсот пятьдесят в год, на четыре года. Таково новое предложение. Оно включает право на пятый год, основываясь на рейтингах в последний год контракта. Вознаграждение за достижение контрольных точек в определенных целевых аудиториях будет включаться в качестве бонуса в конце года.

– Семьсот пятьдесят? – спросила Эйвери. – Это их ответ? Дуайт, это все еще мало.

– Эйвери, они поднялись с шестисот пятидесяти. Три миллиона за четыре года – это щедрое предложение, – сказал Дуайт Кори. – Как твой агент, настоятельно советую тебе брать деньги и бежать.

В Коронадо, штат Калифорния, где располагалась печально известная полоса препятствий спецназа ВМФ, раскинувшаяся перед ними во всей своей красе, стояли комфортные двадцать два градуса. Эйвери поддерживала связь с солдатом, который консультировал эпизод с минивэном, и, услышав о суровых испытаниях программы «морских котиков», замыслила показать своим зрителям их жизнь от новобранца до «Адской недели»¹ и потом до полугодового курса подготовки и основ подводных подрывных работ. Другие снимали похожие материалы, но у Эйвери были идеи, как сделать свой сюжет другим. Она попытается выполнить некоторые нормативы, которые требуются от высоко подготовленных бойцов, прежде чем их нарекут членами элитного подразделения специальных войск. Прыгнет в бассейн со связанными за спиной руками и попробует выжить в течение шестидесяти минут, как делает каждый морской котик. Смело выдержит ледяные океанские волны и поучаствует в овеванном недоброй славой ночном заплыве с акулами. Полоса препятствий спецназа ВМФ США считается одной из самых сложных в мире, и Эйвери думала, что это хорошее место для начала.

Эйвери задействовала свой контакт и организовала на это утро сокращенную пробную пробежку по полосе препятствий. Подписала отказ от претензий и документ о соблюдении секретности. Если она сумеет получить зеленый свет для своей концепции, то в следующем сезоне «Американских событий» Эйвери попытается преодолеть всю полосу – или столько, сколько физически возможно, – под камеру. Если до этого дойдет, на ней будут берцы и камуфляж, но для сегодняшней тренировки Эйвери надела спортивные шорты и спортивную майку из спандекса, короткие носки и беговые кроссовки «Найк». Ее агент, напротив, был в безукоризненном бежевом костюме от Армани с расстегнутым пиджаком, но застегнутым жилетом и повязанным галстуком. Утреннее солнце блестело в каплях пота на его лбу и отражалось в его авиаторах.

– Сколько в тебе, Дуайт? Метр девяносто восемь и сотка?

– Два и сто восемь.

– Я метр пятьдесят пять и... ну, сильно легче. Снимай этот шикарный костюм и бежим со мной.

– Ни за что. Нам надо решить с твоим контрактом, пока они не отозвали предложение.

– Пробеги эту полосу со мной и тогда я рассмотрю это ужасное предложение, которое ты выторговал.

Десять дней прошло с тех пор, как Эвери стояла лицом к лицу с Мосли Жерменом и Дэвидом Хиллари на пляже. С тех пор они вели жесткие переговоры.

– Это хорошая сделка, Эйвери. Они предложили, мы ответили, и теперь они вернулись с чем-то средним. Это показывает серьезность их намерений в отношении тебя.

---

¹ Часть курса подготовки бойцов спецназа ВМФ США.

– Они не вернулись со средним. Они едва уступили. – Эйвери согнулась пополам, чтобы растянуть заднюю поверхность бедра. – Мак Картер получал восемь миллионов долларов в год, когда вел «Американские события», а мои рейтинги лучше, чем его.

– Мак вел программу много лет. Черт, он практически создал ее. До Мака Картера не было «Американских событий». По крайней мере «Американских событий», которые мы все знаем сегодня. И он точно не получал восемь миллионов на второй год работы ведущим.

– Рейтинги и прибыли перевешивают годы службы, и ты это знаешь, Дуайт. Это жульническое предложение, которое закабалит меня на те годы, которые должны быть самыми продуктивными в моей карьере.

– Ты молода. У тебя впереди десятилетия лучших лет. Эйвери, послушай меня внимательно. Мы не можем требовать денег Мака Картера. Он был аномалией. Сети не основывают предложения на выдающихся, они основывают их на среднем. Это соответствует другим ведущим новостных программ.

– Мои средние рейтинги выше, чем у любого из моих конкурентов.

Эйвери выпрямилась, а затем наклонилась вбок, положив руку на противоположную сторону головы, чтобы растянуть косые мышцы живота.

– Программа обеспечивала зарплату Мака много лет, – сказала она. – Сегодня, когда я веду, доходы с рекламы выше. На двадцать процентов, если быть точным, но они хотят платить мне лишь малую часть того, что платили Маку. Они думают, что я наивна или у меня просто очень плохо с математикой? Или это потому, что я женщина?

Эйвери встала и посмотрела на своего агента.

– Мой последний эпизод стал хитом. Рейтинги были запредельными в каждой целевой аудитории. Мы завершили сезон на высокой ноте, и надо ковать железо, пока горячо. Все играет на нас, все козыри.

– О, ты имеешь в виду тот эпизод, когда ты позволила своей сумасшедшей продюсерше бросить тебя на дно бассейна в минивэне? Это называется трюк опросной недели, и впредь я запрещаю тебе делать что-то подобное снова. Будешь продолжать такие выходки, и впереди у тебя не будет никаких лет: ни лучших, ни любых других.

– Приятно знать, что ты так беспокоишься, Дуайт. Мне нравится эта твоя мягкая сторона, но я предпочитаю безжалостного дельца, который всегда на моей стороне. Особенно когда ты договариваешься о самом важном контракте в моей карьере.

– Сеть не станет основывать твой контракт на опросной неделе.

– Я не прошу их основывать его на опросах. Я прошу их основывать его на всем последнем сезоне. Цифры говорят сами за себя, от рейтингов до доходов.

За последний год Эйвери изменила дизайн классической информационно-аналитической программы. Самая большая разница между Эйвери и ее конкурентами? Она никогда не касалась политики. Этим занимались дикторы, а у Эйвери не хватало духа. Она вскользь проходила по текущим событиям и брала обязательные интервью у видных деятелей, когда того требовала текущая ситуация. Но она позволяла своим соведущим сообщать важные политические новости дня, а сама брала общественные неполитические темы. Она умело использовала свою специализацию в журналистике и юридическую степень, и каждая из них сослужила ей хорошую службу в ее роли в «Американских событиях». Эйвери обладала способностью вынюхивать правду в криминально-документальных расследованиях и юридической смекалкой, чтобы понимать, когда передать свои находки властям. Одно из ее наиболее популярных расследований раскрывало подробности пропажи ребенка во Флориде. Расследование Эйвери – которое включало интервью с родителями, глубокий экспертно-криминалистический анализ отчета по делу и исследование новой информации, предоставленной отцом, – обнаружило обескураживающие доказательства, которые предполагали, что ребенок утонул, находясь под присмотром бабушки, которая затем спрятала тело в сарае за своим домом. Выводы Эйвери

были настолько поразительными, а источники настолько надежными, что власти обратили внимание и вновь открыли дело. Камеры «Американских событий» записали, когда полиция прибыла к дому бабушки с ордерами на обыск и подтвердила трагическую находку.

За последний год ее популярные документально-криминальные специальные репортажи стали легендарными, а ее истории надежды и выживания – от утопления минивэна в бассейне, чтобы продемонстрировать, как выбраться, до прыжка с самолета, чтобы показать лучший способ справиться с неисправным парашютом, – привлекали зрителей из всех слоев населения. Проще говоря, Эйвери Мэйсон переосмысливала информационно-аналитическое телевидение, а другие с трудом догоняли.

Ее первый контракт с «Эйч-Эй-Пи Ньюс» был скромным двухгодичным соглашением, в котором она значилась сотрудником «Американских событий». Оно позволяло Эйвери вести несколько рубрик каждый сезон и время от времени заменять Мака Картера, когда он уходил в отпуск. Эйвери использовала эти начальные годы, чтобы набраться опыта и изучить бизнес. Ее растущая популярность скоро принесла более солидный контракт, называющий ее соведущей «Американских событий». Мак Картер был звездой, но Эйвери зарабатывала собственное имя и находила аудиторию. Когда Мак умер – шокирующее событие, ошарашившее нацию, – сеть переделала контракт Эйвери в прибыльное годовое соглашение, по которому ей платили полмиллиона долларов, пока искали постоянного ведущего. Будущее «Американских событий» было неясным, и в тот момент Эйвери стала экспериментом. Она была неопытной и непробованной. Она была молодой и непроверенной. Она была, по всеобщему убеждению, временным решением. Но Эйвери Мэйсон доказала, что все они ошибались. Она ответила на вызов и не отступила.

Теперь, год спустя, она может похвастаться впечатляющими успехами за время своего пребывания лицом «Американских событий». Она больше не была новенькой на районе. Она больше не надеялась пробиться и найти аудиторию. Она уже нашла ее, и зрители преданы ей. Она состоялась, она отточила навыки и планировала оставить неизгладимый след в структуре сети. Как Кэти Курик. Как Дайан Сойер. Но только если будет сильной во время этих переговоров и не покажет слабости. И, Эйвери прекрасно понимала, если сумеет не дать прошлому разрушить все. Потому что если и было что-то единственное, что подстрекало интерес публики больше, чем наблюдение за рождением юной звездочки и ее восхождением к славе, то это наблюдение за ее падением в опалу. Злорадство стало новым американским времяпровождением.

Эйвери подошла к Дуайту.

– Я отделаюсь от контракта, который, как ни крути, был выгодным для «Эйч-Эй-Пи Ньюс». Главное, со мной в качестве ведущей «Американские события» принесли прибыль, которая выше, чем у любого другого шоу, которые производит сеть, и за последний год я была одной из самых низкооплачиваемых ведущих. Дэвид Хиллари сделал на мне состояние. Теперь пришло время заплатить мне.

Дуэйн глубоко вдохнул.

– Назови цифру.

– Семизначная.

Дуэйн провел рукой по своей лысой голове.

– Это не возмутительный запрос, – сказала Эйвери. – Если посмотреть на цифры. И не только мои цифры – рейтинги поднялись у всех программ вечера пятницы, потому что после окончания «Американских событий» зрители остаются на канале.

– Если я вернусь к ним с таким высоким ответным предложением, они захотят знать, за что платят.

– Они платят за меня и за зрителей, которых я привлекаю.

– Контент, мой юный и несокрушимый воин. Они спросят, какой контент ты запланировала на осень. Знаешь, твой второй полный сезон. – Дуайт развел руки в стороны и огляделся. – Очередной пересказ программы «морских котиков» не убедит их.

– Это просто развлечение. И я собираюсь сделать намного больше, чем новый пересказ программы. Я собираюсь погрузиться в нее. Но это позже. Для осени я разнюхиваю историю, берущую начало в Нью-Йорке. Она связана с одиннадцатым сентября, и время невероятно подходящее.

– Дай мне подробности. Мне понадобятся аргументы, если ты отправляешь меня обратно за стол.

– Судмедэксперт в Нью-Йорке только что идентифицировал остатки жертвы, погибшей при атаке на Всемирный торговый центр. Двадцать лет прошло, а они до сих пор идентифицируют жертв. Я отправляюсь в Нью-Йорк разобраться в истории.

– Мэйсон! Не спи. Вперед! – прокричал офицер ВМФ со стартовой линии полосы препятствий.

– Ди, мне надо бежать. Поговори с Жерменом и Хиллари. Покажи им цифры и напomini, какой выгодной сделкой я была в последний год.

Эйвери поспешила к линии старта, приготовилась и побежала к веревочной стене. Схватила за канат с узлами и начала подниматься.

– Дерьмо, – сказал Дуайт, доставая телефон из нагрудного кармана своего тщательно отглаженного костюма.

Глава 6

Негрил, Ямайка

вторник, 15 июня 2021 г.

Уолт Дженкинс арендовал одинокий дом в лесной местности между Негрилом и Вест-Эндром. Десять минут на машине на восток – и он в сердце Негрилы и внутренней части Ямайки, далеко от пляжей с белым песком, окружающих остров, и фантастических курортов, украшающих их берега. Внутренняя Ямайка была менее эффектной. Голубая, розовая и желтая краска на домах осыпалась, по улицам бродили собаки, а население работало для выживания. Но это было доброе население, то, которое приветствовало американцев, которые приезжали к ним в попытке сбежать от неозвученных проблем дома. Местные никогда не спрашивали Уолта, от чего он бежит. Любовь или закон, любили говаривать его ямайские друзья, единственные две проблемы человека в этом мире. Но Уолт приехал в правильное место, говорили они ему. На этом острове «нет проблем, приятель». Три года Уолт пытался поверить в эту философию. Очень помогал ром.

Получасовая поездка на запад привела его к скалам Вест-Энда и большому количеству туристов, чем ему хотелось бы видеть в жизни. Но там находилось заведение под названием «Кафе Рика», и это было единственное место, где Уолт мог найти ром «Хампден Истейт», если только не ехать на саму дистиллерию – крупное поселение, расположенное в Трелони, где перегоняли ром в огромных перегонных кубах. Уолт посещал дистиллерию несколько раз и близко подружился с владельцем. Любовь к рому заставляла его выбираться в «Кафе Рика» пару раз в неделю, когда ему хотелось хорошей выпивки.

Позвякивая льдом в бокале, Уолт вышел на крыльцо своего дома. Он сел в кресло-качалку и уставился на горизонт. Это был его ежевечерний ритуал столько, сколько он жил на Ямайке. Из глубины лесов Негрилы, с его крыльца, закаты смотрелись не так зрелищно, как во время его вылазок на побережье, но все равно стоили тридцати минут тихого уединения. Вместо погружения в Атлантический океан здесь солнце просто опускалось за ветви пальм и мангровых деревьев, подсвечивая их черные силуэты на раскрашенном вишневым небе.

Он попил ром, пока солнце не село и небо не заняли звезды. Здесь было тихо, что разительно отличалось от его прошлой жизни в Нью-Йорке. Редкий собачий лай заменил постоянное гудение клаксонов, и здесь, на Ямайке, его ни разу не будил вой сирены скорой помощи или пожарной машины. В первую неделю один из этих бродячих псов забрел к Уолту на крыльцо и сел рядом с креслом-качалкой. Уолт почесал его за ухом и принес миску с водой и вяленой говядины. Пес так и не ушел. Уолт назвал его Бюро, так родилась их дружба.

Сейчас Бюро сидел у ног Уолта. Уолт включил свет на крыльце и положил на колени книгу, которую читал. В доме было телевидение, но ловило только местные станции и показывало мало спорта. Он включил телевизор один раз в свою первую неделю на Ямайке, но с тех пор больше не утруждался. Он не был уверен, что три года спустя телек еще работает. Он читал местную газету и следил за «Янки» и другими новостями, имеющими отношение к дому, со своего «Айфона». Это устройство предназначалось для общения, но Уолт не припоминал, когда в последний раз звонил кому-нибудь. Еще больше времени прошло с тех пор, когда чертова штука звонила.

Он сделал еще один глоток рома и открыл книгу, последнюю книгу Джона Гришема, которую использовал как отвлекающий маневр, чтобы не думать слишком много о предстоящей поездке. Однако, стоило открыть книгу, его способности к саморазрушению предотвратили отвлечение, которое он надеялся найти на страницах. Глава, на которой он закончил, была заложена билетом «Американских авиалиний», который он распечатал день назад. Он собирался обратно в Нью-Йорк, и билет всколыхнул тревогу в груди. Он сделал еще глоток

рома, который сам назначил себе в качестве противоядия против подобной тревоги, проклиная подсознательную работу своего мозга, заставившую его положить билет на то место, где он его не пропустит, и одновременно восхищаясь таким ходом. В прошлой жизни он работал агентом наблюдения в ФБР. Он работал на периферии, никогда в центре внимания, и его действия всегда были скрытыми и не привлекающими внимания. Он был рад узнать, что несмотря на годы вдали от Бюро, он все еще не потерял хватки, даже если сегодня вечером целью оказался он сам.

Он переложил билет в конец книги и начал читать. Однако смысл слов ускользал. Пока глаза слепо шарили по страницам, мозг уже обдумывал подробности предстоящей поездки, что он скажет и как отреагирует на встречу с ней после стольких лет.

Любовь или закон, две единственные проблемы человека в этом мире.

Глава 7

Лос-Анджелес, штат Калифорния

среда 16 июня 2021 г.

Красный «Рендж Ровер» был идеальным автомобилем для путешествия через всю страну. С круиз-контролем, установленным на сто двадцать восемь километров в час, он практически ехал сам, а впереди лежала лишь пустынная дорога и целая страна. Эйвери купила его год назад, после назначения временной ведущей «Американских событий». Это был первый раз в ее взрослой жизни, когда Эйвери Мэйсон самостоятельно заработала серьезные деньги. Она потратила возмутительное количество денег на четыре колеса и форсированный двигатель, но было что-то в ее психике – вероятно, нерушимая связь с прошлой жизнью, – что легко отнеслось к покупке. Может, отцовской крови в ней больше, чем она готова признать. Разница в том, и Эйвери никогда не переставала напоминать себе о том, что ее положение в мире заработано честно и законно. Чего точно не скажешь про ее отца.

Она направлялась в Нью-Йорк через штат Висконсин, такая поездка составит почти пять тысяч километров. Самолетом было бы быстрее и проще, но об этом не могло быть и речи. Так же, как и о поезде или аренде машины, чтобы не мучить свой «Рендж Ровер» тысячами километров. Билеты на самолет, поезд и квитанции за аренду машины оставляют бумажные и цифровые следы. Эйвери хотела оставить как можно меньше следов во время своих передвижений по стране. У нее есть дело в Нью-Йорке, и она приложит все усилия, чтобы осуществить его, не привлекая внимания. Никто за ней не следит, убеждала она себя, и ехать на машине вместо того, чтобы лететь, чистая паранойя. И все-таки чем меньше следов она оставит, тем лучше.

В среду утром она покинула Лос-Анджелес по шоссе 605 и затем свернула на федеральную трассу 15, на которой провела десять часов кряду за вычетом двух остановок на туалет. Потом съехала на трассу 70 и прибыла в Гранд-Джанкшен, штат Колорадо, когда на горизонте догорали последние солнечные лучи. Там Эйвери нашла отель «Хайат» и заплатила наличными за одну ночь. Положив голову на подушку, она все еще ощущала плавную вибрацию от часов, проведенных в дороге. Эйвери закрыла глаза и понадеялась на сон, который всегда ускользал от нее во время летних поездок. Как по часам, во время поездок через всю страну воспоминания о семье пробивались на передний план. А как иначе? Именно от семьи она бежала. Именно семью скрывала.

В остальную часть года Эйвери спала крепко и никогда не помнила снов. Но каждое лето, когда она возвращалась к прошлому, сны становились яркими и неуправляемыми. Они по большей части чередовались между ее матерью и отцом – мертвой матерью и преступником отцом. Она любила мать всем сердцем и так же когда-то любила отца. Но ее любовь омрачило его предательство, а следом за ним пришло сочетание ненависти и презрения к человеку, которого Эйвери когда-то считала своим героем. Однако сегодня, во время ночевки в отеле где-то рядом со Скалистыми горами, в ее снах не было родителей. Когда сон пришел к ней, вместе с ним пришли воспоминания о брате.

Парусная яхта модели «Oyster 625» весила тридцать две тонны и была девятнадцать с половиной метров в длину. Морское судно, способное справиться с суровыми волнами у побережья Нью-Йорка, яхта была большой, крепкой и дорогой. Стоимостью выше трех миллионов долларов, она была возмутительным подарком от отца на двадцать первый день рождения Эйвери. Сконструированная так, чтобы вместить гоночный экипаж в восемь человек, яхта создавалась и для неспешных прогулок, с которыми справится и пара опытных моряков, каким и были Эйвери и Кристофер. И все же, через два часа после того, как «Клэр-Войанс» покинула гавань, море вскипело бурными волнами больше метра высотой, захлестывающими

борт яхты. На спусках казалось, будто волны проглатывали нос. Дождь лил густой стеной, которая снижала видимость почти до нуля.

Они опустили паруса и оставили двигатель бороться с волнами и течениями. До гавани было больше двух миль, а вокруг виднелись только изменчивые волны и черное небо. Океан подбрасывал великолепную яхту в воздух и швырял ее, словно игрушку, в грохочущие волны. Эйвери почувствовала, что «Oyster» тянет на правый борт и ее тяжело выровнять. Штурвал норовил вывернуться вправо, и она с трудом удерживала курс на запад. Однако большая яхта наклонялась слишком сильно. Что-то было не так. Тогда Эйвери заметила крен. Нет, не крен, а погружение. Нос наклонялся все ниже, как будто готовился нырнуть в море. Эйвери подумала, что яхта просто спускается с волны, но, когда та не выправилась, поняла, что яхта тонет.

Она откинула крышку с кнопки ЦИВ – цифровой избирательный вызов – и нажала ее, посылая сигнал бедствия Береговой охране, который сообщит название судна и его точные координаты по долготе и широте. Для верности и потому, что была напугана до смерти, она взяла передатчик и поднесла к губам.

– Мэйдэй, мэйдэй, мэйдэй. Это «Клэр-Войанс». Мэйдэй, мэйдэй, мэйдэй.

Отвечающий голос был громким и прерывался помехами, но был едва слышен за шумом дождя и ветра.

– Продолжайте, «Клэр-Войанс», это Береговая охрана. Мы получили ваши координаты и отправляем команду. Опишите обстановку.

– Мы на «Oyster 625» под сильным дождем и штормовым ветром. Волны от метра до двух с белыми барашками и продолжают усиливаться.

– Принято, «Клэр-Войанс». Сколько человек на борту?

– Двое, – ответила она, перекрикивая рев волн. – Мы под шквалистым ветром и набираем воду. Сильный крен на правый борт.

– Сколько у вас времени, «Клэр-Войанс»?

– Не знаю, – сказала она в тот миг, когда волна обрушилась на нос яхты. – Мой брат спустился под палубу, чтобы найти источник течи. Посмотреть, сможет ли заткнуть ее.

– Скажите брату, чтобы поднялся на палубу. Мы будем на связи, пока не придет наша команда.

– У нас нет времени, – сказала Эйвери, когда еще одна волна поглотила нос. – Мы опрокидываемся.

Эйвери подскочила на кровати, еще не проснувшись. Она всегда так реагировала на этот повторяющийся сон, и решила, что это защитный механизм. Выдержать себя из сна, чтобы не пришлось вновь переживать то, как нос «Oyster» погружается в воду, а затем яхта встает вертикально, прежде чем камнем пойти на дно океана. Разбудить себя прежде, чем мозг воспроизведет ее сражение с морем, когда она боролась против двухметровых волн, которые стремились ее утопить.

Она снова легла и вжала голову в подушку, прогоняя все сбивчивые мысли, которые скрывались в тени сознания и ждали лета, когда Эйвери ездил домой. Она не могла позволить этим мыслям отвлекать ее от того, что необходимо сделать. У нее есть лето, чтобы связать все растрепавшиеся и незакрепленные концы своей семейной саги. То, что случится потом, будет вне ее контроля. Если к тому моменту шлюзы откроются, выпуская все грязные подробности ее прошлого, по крайней мере, она сделает все возможное для тех, кого любит.

Глава 8

Систер-Бэй, штат Висконсин

пятница 18 июня 2021 г.

К шести утра Эйвери была снова в дороге. Утро следующего дня с кофе в большом стакане – двойные сливки, двойной сахар – плавный регги по радио и пустая дорога впереди. К востоку от Денвера она свернула на федеральную трассу 80, по которой будет ехать два дня. Ее вторая ночевка прошла в Линкольне, штат Небраска. В пятницу утром Эйвери пересекла весь штат Айова и подъехала к границе Висконсина. Она направилась на северо-восток, пересекая штат по диагонали. Скоро белые кедры и черные сосны возвышались повсюду, насколько видел глаз. Скрученные сосны напомнили ей о детстве, когда она проводила лето в этой части страны.

К половине четвертого дня пятницы она добралась до южного края узкого полуострова округа Дор. Поехала на север по шоссе 42, а затем еще шестьдесят километров по двухполосной дороге. Эйвери проехала города Эгг-Харбор и Фиш-Крик, оставив справа берега залива Грин-Бэй озера Мичиган. Бухта Игл-Харбор блестела на солнце, когда она ехала по городу Эфраим. Тент в красную полоску над крыльцом кафе-мороженого Вильсона вызвал в памяти воспоминания о длинных жарких летах ее детства – лучших в жизни.

Ближе к концу полуострова Эйвери въехала в Систер-Бэй, городок, где в детстве проводила каждое лето. Начиная с шестого класса, родители Эйвери отправляли ее из Манхэттена в Висконсин, где она проводила лето вместе с другими богатыми детишками со всей страны в мореходной школе Конни Кларксон. Восемьдесят процентов детей в летнем лагере приезжали со Среднего Запада. Остальные путешествовали с Западного и Восточного побережья и были детьми, чьи родители жаждали, чтобы они учились ходить под парусом в одном из самых престижных и востребованных заведений в стране.

Родители Эйвери делали то же самое для ее старшего брата Кристофера, который возвращался домой в конце каждого лета с замечательными историями о жизни на воде, укрощении ветров озера Мичиган и скольжении по заливу Грин-Бэй. Названия и места стали для Эйвери легендой. Остров Вашингтон, Рок-Айленд, остров Святого Мартина, Саммер-Айленд, залив Биг-Бэй-де-Нок и маяк Пенинсула-Пойнт-Лайтхаус. Эйвери с нетерпением ждала своей очереди. Когда та наконец настала, она ухватила за возможность. К тому времени как Эйвери пошла в восьмой класс, она умела в одиночку управляться с семиметровой шхуной. Во время учебы в старшей школе Эйвери возвращалась в Систер-Бэй каждое лето в качестве инструктора по мореходству – обычно эту должность отдавали студентам колледжей, но Эйвери заслужила ее своими продвинутыми навыками. В семнадцать она была более блестящим моряком, чем любой студент, преподававший в школе, и могла составить конкуренцию многим взрослым. Во время учебы в колледже она на каникулах работала главным инструктором. Своей рабочей этикой и неукротимым духом она обязана времени, проведенному в Систер-Бэй, и особенно Конни Кларксон, хозяйке мореходной школы и ее наставнице. На последних километрах пути мысли Эйвери переключились с тех чудесных лет ее юности на актуальные проблемы. В детстве было легче, когда ее волновало только хождение по воде и укрощение ветра. Тогда все было проще, прежде чем она узнала, что все в ее жизни было подделкой.

Она проехала по длинной дорожке под сводом деревьев, которая вела на стоянку мореходной школы Конни. Территория занимала четыре гектара заросшей лесом земли вдоль залива. По территории были разбросаны двенадцать домиков в сельском стиле, в которых каждое лето размещались тридцать два ученика. Эйвери припарковалась и уставилась на воды озера Мичиган. У пристани были пришвартованы двенадцать яхт, а еще стояли на якоре два подъемника, чтобы поднимать яхты из воды. В середине июня здесь много учеников и инструкторов. Эйвери позволила потоку эмоций – начиная с времени, проведенного здесь юной девушкой

кой, и заканчивая отношениями с Конни Кларксон, воспоминаниями о брате, а также предательством и разрушением, которые причинила отцовская ложь, – затопить ее.

Не потрудившись замаскировать покрасневшие глаза или смазавшийся макияж, она пересекла стоянку и поднялась по ступенькам главного дома. Постучала дважды и стала ждать. Через минуту Конни Кларксон открыла. На лице женщины появилась улыбка. Они обнялись, как мать и дочь.

– Клэр, – сказала Конни ей на ухо. – Я так рада, что ты приехала.

Глава 9

Манхэттен, Нью-Йорк

пятница 18 июня 2021 г.

Прошло три года с тех пор, как Уолт Дженкинс покинул Нью-Йорк; одна тысяча сто сорок дней с тех пор, как он променял шум и гам, многолюдные улицы и полный смога воздух на тихую безмятежность Ямайки. До боли медленно тянувшиеся недели сменялись пролетающими в мгновение ока месяцами. Как ни крути, сегодня он чувствует себя лучше, чем когда уехал. Не окончательно вернулся к себе прежнему, но восстановился до такой степени, до какой время лечит все раны, как физические, так и эмоциональные. Он приехал в Нью-Йорк всего на один вечер, тот вечер, ради которого возвращался три последних года. В соответствии с традицией его жизни, возвращение Уолта в Нью-Йорк было контрпродуктивным в лучшем случае и откровенно деструктивным в худшем. Он был слишком умен, чтобы верить, что из этого вечера выйдет что-то хорошее, но слишком глуп, чтобы держаться подальше.

Чем ближе подходил июнь и подкрадывалась ежегодная встреча выживших, Уолт начал просматривать цены на авиабилеты. Он возвращался каждый год, эгоистично черпая от участников духовное просветление, необходимое ему для того, чтобы прожить следующий год, а затем прыгал на самолет обратно на Ямайку, где пил ром в тихом уединении и пытался исправить урон, причиненный поездкой. Так жить нельзя, и это не может продолжаться. И тем не менее он снова здесь, застрявший в воронке, из которой не сбежать. Что-то должно измениться, или его смоеет в сливное отверстие жизни и он исчезнет. У него были проблемы с алкоголем до того, как Бюро уволило его – отправило на пенсию, с полным пенсионом. Это было три года назад, и он однозначно злоупотреблял сейчас. Он не разговаривал с родителями или братом три года, кроме телефонных звонков на Рождество. Он потерял почти всех друзей, которые у него были. Причиной всего этого была женщина. Та самая, на встречу с которой он каждый год отправлялся в Нью-Йорк. Уолт Дженкинс придал новое значение понятию «саморазрушение».

Нью-йоркское отделение «Переживших травму» проводило встречи каждый июнь в «Эсент Лаунж» Тайм-Уорнер-Центра в Манхэттене. Это было ежегодное собрание жертв травм, которые каким-то чудом, вопреки всем ожиданиям обманули смерть и выкарабкались. Живыми, да. Но совершенно другими людьми, чем были до. Вечер состоял из выступлений и наград, почетных гостей и заслуженных членов отделения, старых историй и новых. Отдельная часть вечера отводилась чествованию врачей и медсестер, фельдшеров скорой помощи, пожарных и прочих сотрудников экстренных служб, чьи быстрое мышление и профессионализм спасли жизни каждого присутствующего.

На этом вечере присутствовали самые разные выжившие: женщина, которая единственная выжила после авиакатастрофы, убившей остальных восемьдесят два пассажира; мужчина, который выпрыгнул из горящей машины, летящей вниз по горному склону, за мгновение до взрыва; турист, который две недели провел в дикой местности без еды и почти без воды; мотоциклист, у которого не было шансов остаться живым после аварии, превратившей его байк в изломанный стальной шар; и Уолт Дженкинс, федеральный агент, получивший две пули в корпус – одна в ключья разорвала его шею, а вторая пронзила сердце. Хирург сказала ему, что в девяноста девяти случаях из ста такие огнестрельные раны были бы смертельны.

В дополнение к выжившим в список приглашенных входили родственники, потерявшие близких в таких же случаях, после которых другие гости выжили. Семьи жертв той авиакатастрофы, которая убила всех пассажиров, кроме одного. Родители пьяного подростка, который погиб в аварии, отправившей горящую машину мужчины с обрыва. Сестра мужчины, который в отличие от своего спутника не выбрался живым из дикой природы. Водитель грузовика,

кабина которого стала стопором для скользящего мотоцикла. Уолт возвращался в Нью-Йорк каждый год, чтобы увидеть одного конкретного родственника.

Уолт настолько отдалился от своей прошлой деятельности в ФБР, что у него был только один костюм. Его новая жизнь на Ямайке не требовала официальной одежды, и перед переездом он выкинул все свои пиджаки и галстуки. Он одернул лацканы, поправил галстук и глубоко вдохнул, прежде чем открыть тяжелые двери «Эсент Лаунж». И рванул прямо к бару.

– Какой ром у вас есть? – спросил он у бармена.

Молодой человек подвинул к нему меню. Уолт провел пальцем по на удивление большому списку рома и выбрал «Маунт Гай 1703». Бармен сделал ему ром со льдом и подал в рюмке с толстым доньшком, которая ощущалась идеально сбалансированной в руке, когда Уолт поднес ее к губам. Его пенсия была недостаточно большой, чтобы позволить себе «Маунт Гай», и заказ рома, который он не мог себе позволить, всегда вызывал в душе тревогу. До первого глотка. С рюмкой в руке Уолт прислонился к ограждению бара и осмотрел зал. Было еще рано. Представления и речи еще не начались. Он хотел выпить одну или две порции, прежде чем столкнуться лицом к лицу с ней. Делая второй глоток рома, он почувствовал на своем плече легкую ладонь.

– Уолт, – произнесла женщина.

Уолт сразу же узнал голос. Доктор Элеанор Маршфилд, хирург-травматолог, которая его заштопала. Он обернулся, улыбаясь.

– Не удивительно, что я нашла тебя в баре, – сказала доктор Маршфилд.

На лице Уолта появилось страдальческое выражение, он поднял свой ром.

– Виновен по всем пунктам. Могу я вас угостить?

– Нет, спасибо. Меня могут вызвать.

Уолт кивнул. Женщина проводила свою жизнь в ожидании трагедий – автомобильных аварий и огнестрельных ран. Ужасный образ жизни, но Уолт был рад ее призванию. Она спасла ему жизнь.

– Как твои дела, Уолт?

– Хорошо. – Он кивнул. – Довольно хорошо.

– Как работа?

– Я... больше не работаю.

Доктор Маршфилд подняла брови и наморщила лоб.

– Я думала, это временно.

Уолт улыбнулся.

– Я тоже. Но полагаю, в ФБР существует неписаное правило: после того как агент получает две пули в сердце, его услуги больше не требуются.

– В сердце попала только одна. Вторая прошла через шею. Я хороша, но не настолько.

– Спасибо за поправку.

– Чем ты занимаешься на пенсии?

«Ромом, серфингом, чувством вины и сожалениями».

– Я еще не разобрался во всей этой пенсионной фигне, – наконец сказал он. – Но я работаю над этим.

– Ты молод. У тебя вся жизнь впереди.

Уолт не стал заикаться, что именно это его и беспокоит.

У доктора Маршфилд зажужжал телефон, и она посмотрела на экран.

– Я надеялась побыть подольше. Я поговорила всего с несколькими своими бывшими пациентами, но надо бежать в больницу. Было здорово увидеться с тобой, Уолт. Я рада, что у тебя все хорошо.

– Спасибо, док. Я рад, что вы меня нашли.

Она улыбнулась:

– Увидимся в следующем году?

– Если доживу.

– Доживешь. Просто больше не нарывайся на пули. И, может, не налегай на алкоголь.

Он посмотрел ей вслед и, сделав глоток рома, вернулся к рассматриванию толпы. Он высматривал ее полчаса, много раз глаза обманывали его – он думал, что нашел ее, только чтобы разочароваться, когда женщина поворачивалась и Уолт видел незнакомое лицо. Он заказал еще рома.

– Уолт. Черт возьми. Дженкинс!

Уолт посмотрел налево. Материализовавшееся рядом лицо было из далекого прошлого. Скотт Шервуд был его начальником, когда он работал в Бюро уголовных расследований штата Нью-Йорк в далеких девяностых.

– Скотт? – Уолт покачал головой и улыбнулся. – Какого черта ты тут делаешь?

– Пришел с подругой. Она сказала, что ей нужна моральная поддержка, но с того момента, как мы вошли в дверь, она разговаривает с докторами и медсестрами, которые ей помогли. Я уже был готов уходить, когда мне показалось, что я узнал своего старого друга у бара. Проклятье! Сколько же времени прошло?

– Не знаю. Двадцать лет?

– Так много? – Скотт покачал головой. – Куда летит время?

– И не говори.

– Чем ты занимаешься в последние годы? Я спрашивал про тебя, но никто не в курсе.

– Да, я не при делах. Пришлось покинуть Нью-Йорк, чтобы разобраться в себе. Так и не нашел дорогу назад.

– Знаешь, я несколько раз пытался связаться после... ты знаешь. После того, как тебя подстрелили.

– Я знаю, Скотт, и спасибо тебе. Извини, что не отвечал. Это было странное время для меня. Черт, я так и не ответил многим людям. Но я знаю, что ты звонил. Это много значит для меня. Я засранец, что не сообщил тебе.

– Нет, – отмахнулся Скотт. – Могу только представить, через что ты проходил. Я просто хотел, чтобы ты знал, что я слышал о твоей ситуации и думал о тебе, вот и все. Все в Бюро думали о тебе.

Уолт показал на бар за спиной.

– Могу я тебя угостить?

Скотт кивнул:

– Конечно. «Бифитер» с тоником.

Уолт озвучил заказ бармену и передал Скотту его выпивку.

– За старых друзей, – сказал Скотт, подняв стакан.

Уолт улыбнулся:

– За старых друзей.

– Так чем ты занимаешься? Бог свидетель, я спрашивал многих людей. Никто не знает, что с тобой случилось.

Уолт улыбнулся:

– Ничего увлекательного. Мне надо было уехать из города на какое-то время, так что я уехал.

– Куда ты отправился?

Уолт ответил не сразу.

– На самом деле я отправился на Ямайку. Думал, на месяц или два. А оказалось, что так и не вернулся.

– Ямайка?

Уолт кивнул:

– Негрил, в Вест-Энде.

– Я не отличил бы Ямайку от Арубы. И что? Собираешься сидеть на пляже всю оставшуюся жизнь?

– Не уверен. Бюро назначило мне хорошую пенсию, и в настоящий момент у меня нет никаких определенных планов.

– Похоже, жизнь удалась. Я рад видеть, что у тебя все хорошо, Уолт.

Уолт улыбнулся и снова кивнул. За спиной Скотта Шервуда, в толпе, он наконец заметил ее. Он не высматривал, но каким-то образом его взгляд притянулся к ней. Она разговаривала с кем-то и смеялась так, что этот смех дарил утешение его сердцу. Сердцу, которое буквально болело время от времени – по большей части от сформировавшейся рубцовой ткани, но иногда, он был уверен, потому что он сильно скучал по ней.

– Скотт, – сказал Уолт, отведя взгляд от нее и глядя на старого друга. – Был очень рад повидаться с тобой, приятель. Не хочу тебя прерывать, но я только что увидел кое-кого, с кем мне надо поговорить.

– Конечно. Спасибо за выпивку. Я тоже рад встрече с тобой. Ямайка, а?

Уолт улыбнулся.

– Приезжай как-нибудь. У меня есть лишняя комната.

– Серьезно?

Уолт снова глянул на толпу, испытывая острую необходимость поговорить с ней. Как будто секундная задержка грозит упущенным шансом. Он посмотрел обратно на Скотта Шервуда:

– Конечно серьезно.

Скотт поставил стакан на барную стойку и достал телефон.

– Давай запишу твой номер. Может быть, я позвоню тебе, чтобы воспользоваться предложением.

Уолт нетерпеливо улыбнулся и подиктовал номер своего сотового.

– Тебе лучше взять трубку, когда я позвоню.

Уолт хлопнул друга по плечу:

– Не сомневайся. Приятно встретиться, Скотт.

Уолт развернулся и пошел сквозь толпу. Она словно ощутила его присутствие, потому что обернулась как раз, когда он приближался. И моментально улыбнулась. Мгновение они смотрели друг на друга, все остальные в зале исчезли. Так много было сказано между ними без единого слова.

Наконец она обняла его за шею.

Уолт заключил ее в крепкие объятия.

– Привет, Меган.

– Боже мой, как я рада тебя видеть, – прошептала она ему на ухо.

Уолту хотелось сказать тысячу слов. Тысячу слов, которые он репетировал. Слов, которые он обдумывал каждый день целый год, прошедший с их последней встречи. Что сейчас он любит ее так же сильно, как и три года назад. Что скучает по ней так, как не скучал ни по одному человеку. Что если бы вселенная была менее жестоким местом, они встретились бы раньше. Что он уехал не потому, что его любовь к ней померкла, а потому, что проще влачить жалкое существование на острове в Карибском море, чем в том же городе, где живет женщина, которую он любит, но не может быть вместе.

Однако ничего этого Уолт не сказал. Он просто закрыл глаза и крепко обнимал ее, ощущая, как бьется ее сердце напротив его.

Глава 10

Систер-Бэй, штат Висконсин

пятница 18 июня 2021 г.

Прошло много лет с тех пор, как кто-нибудь звал ее Клэр. На самом деле, сегодня никто не обращался к ней иначе, чем Эйвери Мэйсон. Она задавалась вопросом, действительно ли возможно стереть прошлое и стать кем-то другим? Детские воспоминания, глубоко укоренившиеся в ее подсознании, говорили, что нет. Сколько бы лет ни прошло, какая-то часть ее навсегда останется Клэр Монтгомери. Та ее часть, которая была связана с Конни Кларксон, не имела другого «я».

Родившись Клэр Эйвери Монтгомери, она не сменила имя на Эйвери Мэйсон юридически, а использовала псевдоним, которым подписала свою первую статью для «Лос-Анджелес Таймс», когда ей было двадцать восемь лет. Он прижился. Не случайно, ведь это было в тот же год, когда ее отца обвинили в создании одной из крупнейших финансовых пирамид в истории Америки. Смена имени была стратегическим ходом, сделанным после окончания юридического вуза в попытке избежать семейного наследия. Родство с Гартом Монтгомери закончило ее юридическую карьеру еще до начала. Никто не доверит дочери величайшего американского вора честно преследовать преступников, так что она и не пыталась. С бесполезным юридическим образованием и родословной, которую пыталась перечеркнуть, она сбежала из Нью-Йорка и остановилась в Южной Калифорнии. Вернулась к своему диплому бакалавра в журналистике, чтобы устроиться писателем сюжетных материалов для «Лос-Анджелес Таймс». Это оплачивалось мало и было далеко от той жизни, которую она оставила позади. Когда-то дочь миллиардера и владелица трастового фонда, предназначенного, чтобы обеспечить ей финансово независимую жизнь, она оказалась в Лос-Анджелесе и впервые в жизни была вынуждена сама заботиться о себе.

Вскоре после начала работы в «Таймс» она наткнулась на историю о пропавшем во Флориде ребенке. История получила огласку на государственном уровне, и ее расследование привлекло внимание Мака Картера. Ее, как Эйвери Мэйсон, пригласили в качестве гостя в «Американские события», чтобы рассказать историю, что вылилось в специальный репортаж в трех частях. Финальный двухчасовой эпизод включал драматичные кадры того, как Эйвери в сопровождении камер «Американских событий» сопровождала полицейских, когда они сделали свое шокирующее открытие в сарае за домом бабушки. Мак Картер так впечатлился расследовательским чутьем Эйвери, что еще несколько раз за тот год приглашал ее в программу. Тогда ей было всего двадцать девять лет. Частые приглашения привели к более постоянной роли регулярного автора. Рейтинги доказывали популярность молодой журналистки. После двух лет в качестве корреспондента ее пригласили присоединиться к программе на постоянной основе в качестве соведущей. Когда Мак Картер умер, она неожиданно оказалась новым лицом одной из старейших информационно-аналитических программ Америки. На поверхности Эйвери Мэйсон была молодой, успешной журналисткой, у которой вся карьера впереди. Внутри же она находилась на грани нервного срыва от того, что популярность привлечет внимание к ее прошлому и свяжет ее с Гартом Монтгомери – ее отцом, Манхэттенским вором.

В девяностых и двухтысячных семья Монтгомери была символом американской мечты – честно работающая семья, достигшая высших эшелонов общества благодаря твердости характера и целеустремленности. В 1986 году Гарт Монтгомери основал «Управление инвестициями Монтгомери», зарегистрированный в Нью-Йорке хедж-фонд, который предлагал услуги по брокерским операциям с ценными бумагами и консультирование по инвестициям банкам, финансовым организациям и частным лицам, обладающим крупными активами. После трех десятилетий управления портфелями некоторых из богатейших людей страны, консультиро-

вания некоторых из крупнейших мировых корпораций, контроля за пенсионными фондами крупнейших американских профсоюзов и управления фондами влиятельных вузов фирма имела в оперативном управлении капитал в пятьдесят миллиардов долларов. Выглядело все так, будто хорошо управляемый глобальный фонд зарабатывает миллионы для своих клиентов. В реальности это была грандиозная финансовая пирамида, которая выплачивала долгосрочным инвесторам невероятные прибыли, полученные из вкладов новых инвесторов. В итоге неустойчивый картонный домик разрушился, и самым ошеломительным образом.

Бухгалтеры-криминалисты определили, что более тридцати миллиардов долларов были получены обманом путем и потрачены на роскошный образ жизни Гарта Монтгомери. Остальные активы компании оказались выдуманными – бухгалтерские книги были настолько фальсифицированными, что почти обратились в пепел, когда федералы наконец заполучили их. Обвинения со стороны федеральных властей прозвучали летом после того, как Клэр Монтгомери закончила юридический вуз, и до сих пор у нее перед глазами стояли воспоминания о том, как федеральные агенты вломилась в дверь их семейного пентхауса на Манхэттене, вытащили отца из постели прямо в пижаме и вывели в наручниках в полицейский автомобиль, припаркованный прямо перед зданием. Конвоирование арестанта увидели по всему миру. Фотографии пестрели на первых полосах всех газет, а каждый выпуск новостей показывал запись. Напечатайте в любом поисковике имя «Гарт Монтгомери», и первой картинкой выпадет ее отец, в пижаме, со скованными за спиной руками, и два десятка федеральных агентов, выводящих его из здания.

Несмотря на то, что Эйвери была в курсе, ее все равно шокировала чудовищность ситуации, когда подробности «Картонного домика» – так ФБР назвали операцию, которая разрушила «Управление инвестициями Монтгомери» – стали достоянием общественности. Это как смотреть фильм ужасов, в котором ее отец играл роль главного злодея. Если обвинения были правдой, а она знала, что были, это значило, что ее отец обманом лишил тысячи людей их сбережений, множество производственных рабочих – их пенсий, а вузы – десятилетий благотворительных взносов выпускников. Обвинения значили, что семья Монтгомери была миражом как морально, так и материально. Все, чем они владели, было отравлено жадной наживы и обманом: пентхаус, особняк в Хэмптонс, вилла в Аспене, квартира на береговой линии в Сент-Барте, машины, реактивный самолет, ее трастовый фонд. Даже «Клэр-Войанс», ее величавая парусная яхта, утонувшая прошлым летом, была приобретена на добытые нечестным путем деньги. Но иллюзией были не только вещи, ложью оказалась и сама их счастливая семья.

Возможно, хуже, чем финансовые махинации, был личный обман, вышедший на свет вслед за признанием ее отца виновным. Стало известно о любовнице Гарта Монтгомери, сорокалетней женщине, с которой отец спал больше десяти лет. И сразу поздние вечера, когда отец постоянно работал, и частые деловые командировки обрели смысл. Даже идея каждое лето отправлять Эйвери и ее брата в Висконсин казалась замаранной обманом. Разоблачение двойной жизни отца ранило глубже, чем понимание, что вся ее жизнь была вымыслом. Это открытие погубило ее мать – полное разрушение жизни, которую она построила с любимым, как она верила, мужчиной. Инфаркт унес жизнь Аннет Монтгомери, когда ей было всего шестьдесят два года, через каких-то восемь месяцев после того, как федеральные агенты вытащили ее мужа из постели ранним утром. Несмотря на то, что вскрытие показало хроническую и недиагностированную ишемическую болезнь сердца, Эйвери не могла отделаться от мысли, что настоящей причиной ее смерти стало предательство отца. Эта ядовитая мысль продолжала подпитывать отвращение, которое она испытывала к отцу. Хотя кончина матери легла на плечи еще одной трагедией, было некоторое умиротворение в том, что маме не придется страдать от позора, вызванного тем, что она была женой одного из самых ненавидимых мужчин в Америке.

Мучения и гнев со временем уступили место ясности. Жизнь, которую двадцать восемь лет вела Клэр Монгомери, кончилась. Выжить можно, только создав себя заново. Что она и сделала. Так родилась Эйвери Мэйсон.

Глава 11

Систер-Бэй, штат Висконсин

суббота 19 июня 2021 г.

Эйвери провела вечер дома у Конни Кларксон, они пили вино и разговаривали. Ранее днем она прогулялась по базе, навестила домик, в котором жила каждое лето, дошла до пристани и поболтала с учениками, приехавшими на лето. Вечером они с Конни делились историями и самыми яркими жизненными моментами, поскольку в последний раз виделись год назад. Эйвери расспрашивала про школу. Набор был полным, а лист ожидания – длинным. Школа выживет. Конни преуспеет. Теперь все иначе, чем раньше, но Конни справляется. Если женщина и держала зло на случившееся, то никогда не показывала этого.

Конечно, именно связь Конни с детьми Монтгомери и множество каникул, проведенных ими в Систер-Бэй, позволили Гарту Монтгомери предложить ей инвестиционные возможности. Поначалу Конни не решалась так тесно связать бизнес с отцом своих бывших учеников, но постепенно уступила сладкоречивому финансовому кудеснику. Для Конни в инвестировании в такую легендарную фирму было слишком много плюсов, чтобы отказаться. Гарт Монтгомери обещал неустанно работать на нее и получить прибыль, которая была характерна для «Инвестиционных услуг Монтгомери». У фирмы были строгие правила насчет минимальных вложений, но мистер Монтгомери был готов отступить от правил ради такого близкого друга семьи. За свою жизнь Конни накопила два миллиона долларов и все до последнего цента отдала отцу Эйвери. Он обещал удвоить их за пять лет.

Год спустя федералы постучали в дверь «Инвестиционных услуг Монтгомери». За этим последовали ордера на обыск, а также заморозка счетов и арест активов. Когда пыль улеглась, Конни Кларксон вместе с остальными клиентами Гарта Монтгомери узнала, что ее деньги пропали. Детальное рассмотрение показало, что их выплатили долгосрочным инвесторам, которым были положены баснословные прибыли, которые фонд не мог законно покрыть. Какая-то часть, безусловно, была потрачена на роскошную жизнь миллиардера, который при помощи грабежа воплотил американскую мечту. Гарт Монтгомери обещал Конни все, а оставил ни с чем.

Постепенно их разговор ушел в сторону от Гарта Монтгомери и коснулся смерти мамы Эйвери. Конни была для Эйвери второй матерью, поэтому для нее было естественно излить душу этой женщине. А потом, как всегда, разговор перешел на брата Эйвери. В конце концов, Кристофер был самым любимым учеником Конни за все годы.

Только позже ночью, когда Эйвери тихо лежала в гостевой комнате Конни, ее мысли вернулись к отцу. Несмотря на доводы обвинения, что Гарт Монтгомери само воплощение склонности к побегу, он исчез после того, как вышел под залог. Федералы подозревали, что он не ушел далеко, поскольку сдал паспорт, а все его активы были заморожены. Скорее всего, Мексика, но нельзя исключать и Южную Америку. Правда, поступали сообщения, что его видели в Европе и Австралии. Единственное, что они знали наверняка, это что он забрался достаточно далеко, чтобы скрываться последние три с половиной года.

За эти годы федералы множество раз беседовали с Эйвери и расспрашивали о местонахождении ее отца. Она всегда говорила им одно и то же: она понятия не имеет, где прячется ее отец, не заинтересована в его поисках и счастлива, что он пропал. Это всегда была правда. А потом пришла открытка и все изменила.

В воскресенье утром Эйвери и Конни подняли парус на «Mooring 35.2», пришвартованной у причала Конни. Эйвери знала эту модель производства «Beneteau», крепкую, хорошо спроектированную и профессионально изготовленную. Но это не остановило ее от скрупулезного осмотра каждой детали. К семи утра они шли ровно, Конни стояла за штурвалом.

Даже после потери всех сбережений страсть Конни Кларксон не угасла. Женщина жила ради плавания под парусом. Эйвери владела десятиметровой «Catalina», которая стояла в доке в Санта-Монике, и ходила под парусом почти каждые выходные. Несмотря на это, она выполняла инструкции своей старой наставницы так, словно не плавала годами. Они дошли до острова Вашингтон, после чего повернули обратно. Спиннакер сильно захлопал, пока они меняли направление, а затем снова наполнился, когда они встали в бейдевинд на новом курсе. Яхта шла с пятнадцатиградусным креном, а они сидели и наслаждались плаванием. За последние несколько лет Эйвери видела, как заметно боль и разочарование повлияли на Конни. Но сегодня, сидя у штурвала этой конкретной яхты, Эйвери видела, что искры, которые она помнила по детским годам, вернулись в ее глаза.

Ко второй половине дня Эйвери снова была в пути за рулем своего «Рендж Ровера». После прощания глаза покраснели, и их щипало. Пять часов спустя Эйвери боролась с трафиком на скоростной автомагистрали Дэна Райана, продираясь сквозь Чикаго. К тому времени, как она пересекла штат Индиана и въехала в Огайо, уже стемнело, и она начала искать отель. Первая остановка – ежегодное паломничество в дом Конни Кларксон – позади. До Нью-Йорка оставался еще целый день за рулем. Там она займется историей жертвы одиннадцатого сентября, которую идентифицировали через двадцать лет после обрушения башен-близнецов. Но на самом деле она будет выслеживать кое-кого другого.

Во время поездки открытка лежала на пассажирском сиденье. На ней был изображен деревянный домик, окруженный осенней листвой. Почерк на обороте Эйвери узнала в тот же миг, как достала ее из почтового ящика. Поняв, от кого открытка, она порвала ее. Однако потом ее одолела неукротимая тяга безусловной любви, проснулась естественная привязанность дочери к отцу и заставила склеить кусочки и прочитать отцовские слова. Ей не потребовалось много времени, чтобы догадаться, что отец прислал открытку не потому, что соскучился. Он прислал ее не для того, чтобы пожалеть о смерти жены. Он прислал ее, потому что ему нужна помощь.

Связываться с отцом опасно. Оказать любую помощь попросту глупо. Она ничего не получит от этого, а потеряет все. И все-таки Эйвери не могла перестать смотреть на цифры, которые отец написал внизу открытки.

777

Она знала, что они значат, и изо всех сил старалась игнорировать. Федеральные агенты, которые задавали Эйвери вопросы о местонахождении ее отца, ошибались. Его нет ни в Мексике, ни в Южной Америке. Он не сбежал в Европу или Австралию. Он здесь, в Соединенных Штатах, и Эйвери точно знает где.

Глава 12

*Манхэттен, Нью-Йорк
вторник 22 июня 2021 г.*

Вымотанная после недельной поездки и опустошенная эмоциональным потрясением от встречи с Конни Кларксон, Эйвери взяла день на отдых. Но теперь, когда силы восстановились, ей было нужно отвлечься на работу, чтобы прояснить мысли. Она приехала в Нью-Йорк собирать информацию. Выслеживать историю. Ее вечерняя встреча должна проверить силу этой истории. Эйвери была уверена, что идентификация жертвы одиннадцатого сентября через двадцать лет после обрушения башен удивительна. Если подробности окажутся такими же интересными, как ей показалось, Эйвери подаст эту идею своим продюсерам и запросит у сети зеленый свет на официальные записи интервью для осенних программ, попадающих на двадцатую годовщину одиннадцатого сентября.

Вечером она долго стояла под горячим душем, собираясь с мыслями, и спустилась на лифте в лобби, где поймала такси в Кипс-Бей. Такси ползло по пробкам Манхэттена, пока водитель не остановился у тротуара перед баром «Бочка». Эйвери оплатила проезд, пересекла тротуар и вошла в пивную. Внутри она села за длинную барную стойку красного дерева и заказала водку с содовой. Она проверила время, половина восьмого вечера, и стала следить за дверью. На середине коктейля она увидела, как в дверь вошла высокая женщина, и сразу узнала ее.

Доктор Ливия Катти закончила резидентуру и специализацию в Северной Каролине, прежде чем устроиться в Бюро судебно-медицинской экспертизы в Нью-Йорке. Ее время в Северной Каролине сопровождалось участием в жутком деле о пропавших женщинах из приграничных штатов, и улики, которые она обнаружила, помогли раскрыть дело. После переезда в Нью-Йорк она была связана с одним из самых популярных криминально-документальных фильмов в истории телевидения, когда ее профессионализм в судебной медицине помог успешно раскрыть дело американского студента-медика, убитого на Карибах. Ее разоблачения в обоих делах привлекли внимание по всему миру. И адвокаты по уголовным делам, и прокуроры стремились получить ее заключение как высококлассного судебного патологоанатома. Она была медицинским консультантом «Эн-Би-Си» и «Эйч-Эй-Пи Ньюс», и за последние несколько лет Эйвери работала с ней над многими случаями, когда ее криминально-документальным спецрепортажам требовались знания ведущего патологоанатома. Эйвери связалась с ней, чтобы обсудить недавнее открытие, сделанное в ее бюро. Первую за много лет успешную идентификацию жертвы одиннадцатого сентября.

– Ливия, спасибо вам огромное, – сказала Эйвери, когда Ливия подошла к барной стойке.

– Вы шутите? Когда звонит Эйвери Мэйсон, я заинтересована. Что вы делаете в Нью-Йорке?

– Я в летнем творческом отпуске, но, когда появилась эта новость, поняла, что должна поговорить с вами, чтобы узнать подробности.

– Счастлива помочь, чем смогу.

Они сели на соседние стулья, и Ливия заказала белое вино.

– Я восхищена открытием, которое недавно совершило ваше бюро, – сказала Эйвери. – Мне хотелось бы узнать некоторые подробности. Я надеюсь показать процесс и открытие в своей программе осенью. Как пугающе все совпало.

– Да, – сказала Ливия. – Прошло двадцать лет, а мы до сих пор идентифицируем жертв из Всемирного торгового центра. Умопомрачительно.

– Мне любопытно, как это вообще возможно. Расскажите.

– Ну, разумеется, я не работала медэкспертом в Нью-Йорке во время одиннадцатого сентября. Но я слышала рассказы людей, которые работали в первых рядах. Некоторые из них до сих пор работают в бюро. Это было ужасно, как вы можете представить. Когда башни рухнули, гибель людей была не только трагической, но и страшной. Даже жуткой. Из-под обломков достали очень мало полностью целых тел. В основном находили по частям. Это превратило идентификацию жертв в невероятно сложную задачу. Много частей тел были повреждены слишком сильно, чтобы их можно было соединить вместе, так что идентифицировать приходилось каждую отдельно. Поскольку многие тела были катастрофически обгоревшими, обычные методы идентификации – татуировки, родимые пятна или другие отличительные особенности – были невозможны. Поэтому нам пришлось полагаться на ДНК. В некоторых случаях помогали стоматологические карты. Но идентификация по зубам и анализ ДНК имеют свои ограничения. Эти методы зависят от того, предоставят ли семьи зубные карты или образцы ДНК своих близких в бюро судебно-медицинской экспертизы. На сегодняшний вечер там больше двадцати тысяч образцов останков, по большей части фрагментов костей, которые еще только предстоит идентифицировать. Мы выделили ДНК из части этих останков, но их не с чем сравнивать.

– Потому что семьи не предоставили референтные образцы ДНК?

– Верно.

– А остальные из этих двадцати тысяч останков?

– До последнего времени, – сказала Ливия, – у нас не было способов выделять из них ДНК. И помните, речь идет о тысячах фрагментов костей. Математика проста. Во время обрушения башен погибло чуть меньше трех тысяч людей. Нам надо идентифицировать больше двадцати тысяч образцов. Многие из этих образцов принадлежат одной жертве. Нередко мы выделяем ДНК из кости и понимаем, что останки принадлежат уже идентифицированной жертве. Мы вычеркиваем их из списка и двигаемся дальше. Но многие из костных фрагментов так сильно обгорели, что почти все ДНК уничтожены.

– Пока вы не разработали эту новую технологию.

– Верно. И мне бы хотелось поставить себе в заслугу ее разработку, но я не могу. Я только поверхностно участвую в процессе идентификации. Ее проводит доктор Артур Трюдо, который вместе с командой ученых и лаборантов каждый день без усталости работает над проектом 9/11.

– Расскажите мне о процессе. Повторю, я надеюсь вернуться позже летом и официально сделать интервью на камеру. И с доктором Трюдо тоже.

Ливия кивнула:

– Это можно организовать. Я тоже считаю это восхитительным. Вот как это работает. Как правило, извлечение ДНК из кости незамысловато. Обычно с кости делают соскоб, чтобы получить клетки. Затем из этих клеток выделяют ДНК при помощи этилендиаминтетрауксусной кислоты и протеиназы К. Это ферменты, которые разрушают стенки клеток и позволяют ДНК выйти. Если захотите погрузиться в дебри того, как это происходит с точки зрения химии, я буду только счастлива.

Эйвери покачала головой:

– Нет, спасибо. Мы найдем способ проще объяснить процесс, когда дойдем до этого пункта. Пока что я поверю вам на слово. Это простой процесс, если вы так говорите.

Ливия улыбнулась:

– Это классический метод, или золотой стандарт. Применяется каждый день в криминалистических лабораториях по всей стране. Но большинство костей, собранных с Граунд-Зиро, слишком сильно обгорели, чтобы с их поверхности можно было выделить ДНК. Помните, авиационное топливо горело больше ста часов при температуре две тысячи градусов. Скорее всего, некоторые тела сгорели дотла. Но те останки, которые нашли, передали в Нью-Йоркское Бюро судебно-медицинской экспертизы для идентификации. Останки, которые невозможно было

идентифицировать сразу, были сданы на хранение и законсервированы для последующего анализа. Этот анализ длился много лет и идет до сих пор, двадцать лет спустя. Последняя идентификация получилась в результате нового процесса: кость измельчают почти в пыль, затем собирают осадок из самого внутреннего участка кости, который находился дальше всего от разрушительного пламени, и выделяют ДНК из найденных там клеток. Он оказался весьма эффективным. Мы испытываем оптимизм, что дальше последует еще больше identifications.

– Потрясающе, – сказала Эйвери. – А семья жертвы, которую идентифицировали? Как им преподносят находку?

– Существует протокол для каждой семьи, предоставившей образцы ДНК. Сначала им звонят, а потом договариваются о личном визите.

– Вы наносите визиты?

– Нет. Это оставлено доктору Трюдо.

– Недавняя идентификация. Женщина по имени Виктория Форд, – сказала Эйвери. – Можете рассказать мне про нее или про ее семью?

– Я знаю только то, что мне рассказал доктор Трюдо. Родителей жертвы нет в живых. Она была замужем, но детей не имела. Ее муж женился снова, так что ближайшей родственницей является сестра. С ней доктор Трюдо и встречался.

– У вас есть имя? Сестры жертвы?

Ливия кивнула:

– Ее имя раскрыли, так что я могу его назвать. Эмма Кайнд. Она живет в штате Нью-Йорк. В глуши, кажется. Рядом с Катскильскими горами.

– Хорошо, – сказала Эйвери. – Значит, вы готовы принять мою съёмочную группу в вашей криминалистической лаборатории позже этим летом?

– Я буду счастлива устроить вам гран-тур по самой большой в мире криминалистической лаборатории, а также по лаборатории по обработке костей, где была сделана эта последняя идентификация.

– Превосходно. Я договорюсь о датах и буду на связи.

– Была рада увидеться, Эйвери.

– И я, Ливия. Еще раз спасибо.

– Кстати, я видела ваш выпуск с минивэном. Это было рискованно.

– Спасибо. Это было немного пафосно, но моим миром правят рейтинги. Однако эта история, идентификация жертвы одиннадцатого сентября, думаю, в силах привлечь огромную аудиторию, но на более личном уровне. Все мы по-разному связаны с одиннадцатым сентября. Мы все помним, где были, когда смотрели за происходящим в телевизоре. Я сразу же захотела сделать эту историю.

– Я знаю, вы сделаете. Что дальше?

Эйвери пожала плечами:

– Отправлюсь в Катскилы, чтобы найти Эмму Кайнд и проверить, согласна ли она рассказать о сестре.

Следующий день Эйвери провела на телефоне, поднимая связи и используя все свои контакты, чтобы отыскать людей, знавших Викторию Форд. Она понятия не имела, что ее присутствие в Нью-Йорке или ее интерес к Виктории Форд привлечет так много внимания.

Глава 13

Негрил, Ямайка

среда 23 июня 2021 г.

«Кафе Рика» было популярным баром, построенным в скалах ямайского Вест-Энда. Этим днем, как и в любой другой день года, его заполнили толпы туристов в купальниках, которые посасывали фруктовые коктейли и глазели на Карибское море. Многоярусная посадочная зона снаружи располагалась на краю скалы, где посетители сидели на высоте сорока футов над бирюзовой водой, отделенные от отвесного обрыва каменной стеной высотой по пояс. Вырубленные в скале лестницы предоставляли доступ на нижние уровни, где круглые зонтики усеивали террасы и дарили тень обгоревшим отдыхающим, обедающим в кафе. Бухта, прорезавшая скалы, позволяла подойти катамаранам, которые плавали к модным местечкам и позволяли пассажирам сходить, что обычно делалось посредством пьяного полета по крутой водной горке, которая выплевывала туристов в океан. Лестницы украшали склоны скал и вели испытывающих жажду посетителей к открытому бару кафе.

Уолт Дженкинс сидел в углу бара, в тени пальмовых листьев, и смотрел на океан. На барной стойке перед ним стоял ром «Хампден Истейт», медленно тающий лед смягчал шестидесятиградусный алкоголь. Голова все еще шла кругом после поездки в Нью-Йорк, где он лицом к лицу встретился с женщиной, которую любил, и в последние несколько дней Уолт не скрывал своего восхищения ямайским ромом. Он не курил травку, как делали многие его друзья на острове, и никогда не употреблял таблетки сильнее, чем ибупрофен. Ром был его универсальным противоядием во всех жизненных ситуациях. Он пил его в хорошие времена и плохие, и в разных ситуациях он действовал на него по-разному. Однако на этот раз, несмотря на все его усилия, ром не давал своего обычного успокаивающего бальзама.

Меган Кобб не покидала его мысли. Несмотря на то, что все еще любил ее, Уолт понимал, что не сможет быть с ней по той простой причине, что какая-то часть его одновременно ненавидела ее. Он пил «Хампден Истейт», таранился на океан и проклинал вселенную, как делал всегда после возвращения из Нью-Йорка. Затем он позволил памяти вернуться в тот день, когда они познакомились.

Прожив больше сорока лет, дважды разведенный и не имеющий детей Уолт Дженкинс перестал ждать, что идеальная жизнь внезапно появится перед ним. Он больше десяти лет работал на ФБР, его устраивало его положение в мире, он приближался к середине жизни и испытывал обычные сожаления человека, который не имеет детей и вдруг обнаруживает, что по большому счету одинок. Такие мысли его одолевали во время поездки по горам Адирондак. Он присоединил пару отгулов с обеих сторон от длинных выходных в честь Четвертого июля, снял домик в холмах и наслаждался несколькими днями тихого уединения. Он ехал в город перехватить стейк и пополнить запасы пива, когда увидел на обочине кроссовер. Явный крен на пассажирскую сторону выдавал проколотую шину. Хотя Уолт работал агентом ФБР намного дольше, чем патрульным полицейским, в его душе навсегда осталось чувство долга при виде неисправного автомобиля.

Кроссовер съехал на обочину, но был опасно припаркован сразу за поворотом, где лихие водители могли не увидеть его, с ревом вылетая из-за поворота. Уолт съехал с дороги, соблюдая хорошую дистанцию между двумя машинами, чтобы его было видно участникам дорожного движения. Он включил аварийку, вышел из машины и подошел к кроссоверу по широкой дуге. Последнее, чего он хотел, это испугать женщину за рулем, оказавшуюся в затруднительном положении в одиночку на уединенной горной дороге.

Не доходя нескольких футов, он помахал рукой. Стекло опустилось, и Уолт увидел нервно улыбающуюся привлекательную женщину.

– Спустило шину? – спросил он.

Женщина кивнула:

– Я пытаюсь связаться с эвакуатором.

– Я за пятнадцать минут поставлю вашу запаску. Максимум двадцать.

– Спасибо, – ответила женщина, все еще прижимая телефон к уху. – Я уже в очереди.

Уолт ощутил ее беспокойство.

– Много лет назад я работал в полиции, так что в свое время менял множество шин.

Если вы предпочитаете ждать эвакуатор, я с радостью вернусь в свою машину и подожду там, чтобы убедиться, что они приехали. Но здесь, в горах, да еще в праздничные выходные, вам, скорее всего, придется ждать час или два, пока они отправят кого-нибудь.

Уолт достал из кармана бумажник и показал женщине свое удостоверение.

– ФБР?

Он улыбнулся:

– Я оперативник в Нью-Йорке. Уолт Дженкинс.

Он протянул руку.

Женщина протянула свою в открытое окно.

– Меган Кобб. – Она нервно улыбнулась. – Пятнадцать минут?

– Может, двадцать, но это не проблема.

Через несколько минут домкрат наклонил машину под острым углом. Уолт на коленях менял шину. Они разговаривали все время, а потом еще тридцать минут после того, как запаска была установлена. Отпуск, задуманный для того, чтобы побыть в одиночестве, вместо этого прошел с Меган Кобб. Она восстанавливалась после скверных отношений. Он три месяца как развелся. Даже при всем желании они должны были стать друг для друга заменой. Вместо этого в течение следующего года они влюбились. А потом, одной жаркой летней ночью, сразу после его сорок пятого дня рождения, в Уолта и его напарника стреляли во время заурядной операции по наблюдению. Пули, нашедшие его, удачно прошли навывлет. Первая вошла в грудь и вышла из лопатки, по пути зацепив сердце и чудом не задев аорту. Вторая прошла через шею и также чудом не задела спинной мозг. Однако таких чудес не досталось напарнику Уолта, сидевшему рядом с ним в машине без опознавательных знаков. Пули, поразившие тело Джейсона Снайдера, попали в жизненно важные органы и сосуды. Он умер до прибытия «скорой».

После этого Уолт узнал, что значит настоящее одиночество.

После смерти его напарника разразился такой поток негатива, какого он никогда раньше не испытывал, и в центре находилась Меган Кобб. Чтобы исправить ситуацию, Уолт согласился досрочно уйти на пенсию, получил свою пенсию и отправился на Карибы, где ограничил контакты с Меган до одного раза в год – одного вечера каждый июнь, когда он возвращался в Нью-Йорк, чтобы присутствовать на ежегодной встрече выживших. В дни, предшествующие мероприятию, он боролся со смесью восторга и страха. В дни после он страдал синдромом раскаяния покупателя из-за того, что получил от поездки, и жалел, что нельзя переиграть. Он хотел бы найти смелость и обличить ее ложь. Он хотел бы найти силы выразить свой гнев на то, что его поставили в такое шаткое положение.

Сожаление проходило. Оно всегда проходило. Оставалось только одно преобладающее чувство. На дне каждого бокала рома он находил чувство вины. Это была опасная воронка, и Уолт Дженкинс понятия не имел, как из нее выбраться.

Глава 14

Негрил, Ямайка

среда 23 июня 2021 г.

Он сделал еще глоток «Хампден Истейт», наслаждаясь сладким жжением в горле. В бухту заполз большой катамаран. Пьяные туристы нырнули в голубую воду и поплыли к «Кафе Рика». Словно выползшие из муравейника муравьи, красноплечие и бледнолицые путешественники карабкались по лестницам и появлялись из-под скал, чтобы наводнить бар. Некоторые пошатывались, выдув слишком много ромового пунша во время плавания из отелей с системой «все включено» в Негриле. Толпа выкрикивала заказы бармену, а из колонок над головой звучали Боб Марли и Питер Тош.

– «Ромовый бегун».

– «Рэд Страйп».

– «Ямайский бриз».

Уолт забрал свой бокал со стойки, слез со стула и, пройдя сквозь толпу, вышел в патио над обрывом. Столик на двоих был свободен, и он сел. Ему хотелось еще понаслаждаться солнцем и видом, потягивать ром и позволить ему творить свою магию, но прибытие катамарана обычно было сигналом, что пора домой. Слева от него местный ныряльщик забрался на верхушку березы, чьи ветви раскинулись над обрывом. На ветвях была построена платформа, как дом на дереве, которая позволяла ныряльщику стоять на высоте почти тридцать метров над бухтой. Все перестали пить и повернули шеи, чтобы следить за ныряльщиком, направив на него фотоаппараты и сотовые телефоны. Музыка регги стихла, когда мужчина оседлал деревянную платформу, качая ногами в вечернем бризе, дразня зрителей и заставляя ждать грядущего прыжка.

Пока все были заняты и тарачились на обрыв, на стул напротив Уолта сел мужчина. Когда Уолт его заметил, оба улыбнулись.

– Какое появление, – сказал Уолт. – Ты прям как Джек Райан.

– Посиделки со старым другом считаются формой шпионажа? – спросил мужчина.

– Считаются, когда ты подкрадываешься ко мне на краю света. – Уолт засмеялся. – Джеймс чертов Оливер. Какого черта ты делаешь на Ямайке?

– Я некоторое время искал тебя, и маленькая птичка рассказала мне, где ты прячешься.

За весь день Уолт выпил едва ли две унции рома. Его разум оставался ясным, еще не затуманенным, как в последние несколько дней после отъезда из Нью-Йорка. Он мыслил четко, и вид его старого босса из ФБР заставил нейроны мозга активизироваться так, как это было, когда он работал на Бюро. Все реакции Уолта на обстоятельства и их анализ были сформированы подготовкой и опытом Оливера, восьмидесятилетнего ветерана. За три года вне Бюро эта старая чуйка слегка притупилась. Однако при виде бывшего руководителя выучка и инстинкты Уолта хлынули обратно. Последние пару лет он старался не рассказывать людям, где живет. Только его родители и брат знали, что он арендует дом на Ямайке и не планирует возвращаться в Штаты. И даже его семья не знала, что первоначальная виза Уолта превратилась в двойное гражданство. С особенной осторожностью он избегал разговоров со своими старыми приятелями из ФБР о том, где он скрывается. У его затворничества было много причин, но главной была та, что из-за скандала, разразившегося после стрельбы, он стал нежелательным в Федеральном бюро расследований. Он надеялся, что время решит эту проблему, но три года не повлияли на восстановление его репутации в глазах бывших коллег.

Теперь, глядя на своего старого босса из Бюро, он понял две вещи. Во-первых, его местонахождение выдал Скотт Шервуд – его старый начальник участка с тех времен, когда Уолт был молодым детективом штата Нью-Йорк, которого он случайно встретил на встрече выживших.

Вдруг стало очевидно, почему Скотт так сильно настаивал на том, чтобы обменяться контактами. Во-вторых, если Джеймс Оливер потрудился заслать Скотта Шервуда на встречу выживших, чтобы вычислить местонахождение Уолта, он наверняка что-то хочет. И если Бюро хочет чего-то от него через три года после того, как заставили его выйти на пенсию, это не сулит ничего хорошего.

– Дай угадаю, – сказал Уолт. – Этой маленькой птичкой был придурок по имени Скотт Шервуд.

– Ты всегда был моим самым умным агентом. Вижу, ничего не изменилось.

– Многое изменилось, Джим.

Джим Оливер оглядел «Кафе Рика».

– Это чертовски верно. – Он показал на бокал с ромом. – Но кое-что осталось прежним.

– Привычка – вторая натура. Могу я тебя угостить?

Оливер пожал плечами:

– Находясь в Риме...

Уолт махнул официантке:

– Еще два, пожалуйста. «Хампден Истейт» повышенной крепости со льдом.

– Без проблем, – сказала официантка с приятным ямайским акцентом.

Она пошла к бару, а Уолт повернулся обратно к Оливеру.

– Это дорогое дерьмо. Полагаю, счет оплачивает Бюро?

– С чего ты это взял?

– Потому что, если ты сидишь напротив меня в скальной таверне в Негриле, на Ямайке, то Бюро чего-то хочет. И если это официальная встреча, бюро может оплатить счет.

Оливер снова пожал плечами:

– Почему нет? Это меньшее, что мы можем сделать.

У толпы вырвался коллективный вздох, когда ныряльщик встал на платформе, примостившейся высоко на березе. Сжав ноги вместе, он набрал воздуха в грудь и вытянул руки в стороны, как на распятии. Затем согнул колени и прыгнул. Его тело исполнило медленное обратное сальто, пока он несея навстречу воде, за две полных секунды преодолев тридцать метров, прежде чем войти в воду ногами и исчезнуть в кобальтовой воде, почти не подняв брызг. Толпа разразилась восторженными криками.

– Должен признать, – сказал Оливер, переведя взгляд с действия обратно на Уолта, – в данный момент пенсия выглядит весьма привлекательно.

– Принудительная пенсия. Помнишь? Вы заставили меня уволиться. Но мне понравилось. И, Джим, я очень счастлив здесь, в своем уединении.

– Да ладно, Уолт. Сорокалетний мужик в самом расцвете сил целыми днями пьет в одиночку в баре на Ямайке? Ты не счастлив, ты гребаное клише.

– Что бы ты обо мне ни думал, просто знай: мне неинтересно.

– Разве так обращаются со своим старым боссом? Я добирался сюда, чтобы увидиться с другом и поболтать.

– Это меня и беспокоит.

Официантка принесла их напитки, и Оливер поднял свой бокал.

– За старых друзей?

На мгновение Уолт заколебался, а потом тряхнул головой и выдохнул накопившуюся тревогу.

– Проклятье, Джим. Рад тебя видеть.

– И я, приятель.

Они чокнулись и сделали по глотку рома.

– А теперь перестань валять дурака и расскажи, чего ты хочешь.

Лицо Оливера осталось невозмутимым.

- Это связано с делом, которое ты расследовал. Нам нужна кое-какая помощь.
- Я не расследовал дела для ФБР. Я собирал информацию.
- Это дело было до того, как ты пришел в Бюро.
- До того, как я пришел в Бюро? Это слишком давно, мой друг.

Оливер кивнул:

- Двадцать лет.

Уолт прищурился:

- Какое дело?
- Кэмерон Янг.
- Ого. Вот это привет из прошлого.
- Так ты его помнишь?

– Конечно помню. Это было мое первое убийство. Богатый писатель обнаружен повешенным голышом на своем балконе в Катскильских горах. Картинка до сих пор выжжена в моей памяти.

Вдобавок к месту преступления Уолт помнил и другие аспекты дела. Он начал свою карьеру в правоохранительных органах как полицейский в Бюро уголовных расследований штата Нью-Йорк, прежде чем подняться до оперативно-разыскного подразделения в зрелом возрасте двадцати восьми лет. Убийство Кэмерона Янга было его первым самостоятельным делом. Поскольку жертвой стал известный писатель, первое расследование Уолта проходило под пристальным вниманием средств массовой информации. Каждая находка становилась достоянием общественности, и предел допустимой погрешности был очень мал. Уолт с самого начала знал, что ему нельзя ошибаться. И он не ошибся. Он провел тщательное расследование и собрал улики по всем правилам, без халтуры. Ухищрениями занимались те, кто стоял выше него.

Но в задачу Уолта не входило выстраивание версии обвинения, только сбор улик и передача их в офис окружного прокурора. Что он и сделал. С его стороны все было аккуратно, окружной прокурор созвала Большое жюри, и обвинительное заключение было неминуемо. А потом случилось одиннадцатое сентября, и дело развалилось и исчезло. Уже после до Уолта доходили слухи об окружном прокуроре и подтасовке улик. Когда он начал интересоваться подробностями, то встретил только сопротивление и тупики. Через год ФБР привлекло его заткнуть одну из многих дыр в борьбе с терроризмом. Он забыл о деле Кэмерона Янга и оставил работу детектива ради преследования террористов.

– Обычно я довольно хорошо определяю мотивы, – сказал Уолт. – Но ни черта не могу понять, с чего бы ФБР интересоваться убийством двадцатилетней давности.

– Кое-что случилось, и нам нужна твоя помощь. Твое участие в деле Кэмерона Янга может обеспечить идеальное прикрытие.

- Прикрытие для чего?

- Когда-нибудь слышал о женщине по имени Эйвери Мэйсон?

Уолт свел брови:

– Ведущая «Американских событий»? Конечно. Это единственная программа, которую я тут смотрю. Трансляции на планшете.

– Ее настоящее имя Клэр Эйвери Монтгомери. Она изменила его на Эйвери Мэйсон, когда переехала в Лос-Анджелес.

Уолт пожал плечами.

- Да мало ли кто в Голливуде меняет имя?

– Может быть. Но перемена имени Эйвери Мэйсон не имеет никакого отношения к Голливуду, а связано с ее происхождением. Ты знаешь, кто такой Гарт Монтгомери?

- Мошенник с финансовой пирамидой?

- Он самый.

– Это он украл у инвесторов что-то около десяти миллиардов долларов?

– Бери пятьдесят. Он убедил огромные корпорации инвестировать в его хедж-фонд на основании прибыльности. Но бухгалтерская отчетность была подделкой. Федералы зацепились и сделали ход. Чтобы не попасть в тюрьму, он предложил свидетельствовать против своих партнеров. А потом исчез. С тех пор его никто не видел.

– Какое отношение это имеет к ведущей «Американских событий»?

– Она дочь Гарта Монтгомери, и ей великолепно удалось прятаться на виду. Никто из миллионов людей, которые смотрят ее программу, не знает ее настоящего имени. Но мы знаем и уже некоторое время следим за ней. Мы уверены, что она знает, где скрывается ее отец, и считаем, что она помогает ему и оказывает содействие.

Уолт медленно кивнул.

– Я все еще не понимаю, как это связано с делом Кэмерона Янга.

– В деле возникли новые обстоятельства. Помнишь, как звали женщину, которая его убила?

– Виктория Форд. Что за обстоятельства?

– Около месяца назад Нью-Йоркскому бюро судебно-медицинской экспертизы удалось идентифицировать останки, обнаруженные на Граунд-Зиро. Они принадлежат Виктории Форд, и вот тут-то и появляешься ты, мой друг.

Уолт наклонился ближе к своему старому боссу:

– Я слушаю.

– Эйвери Мэйсон разнюхивает в Нью-Йорке, надеясь сложить историю о жертве одиннадцатого сентября, идентифицированной через двадцать лет после обрушения башен. Скоро она узнает историю Виктории Форд и преступления, в котором ее обвиняли. Если ты видел ее программы, то знаешь, что она не остановится на истории Виктории Форд. Она захочет узнать все об убийстве Кэмерона Янга. Нетрудно догадаться, что мисс Мэйсон очень заинтересуется старым расследованием. Это ее конек. А история Кэмерона Янга включает молодого детектива по имени Уолт Дженкинс.

Джим Оливер улыбнулся и сделал глоток рома, заставляя Уолта ждать.

– Эйвери Мэйсон захочет пообщаться с этим детективом и выяснить все, что он помнит о деле. Нам надо, чтобы ты сел в самолет и вернулся в Нью-Йорк заново ознакомиться с делом Кэмерона Янга.

Уолт, все еще навалившись на стол, медленно поднял брови:

– И потом... что?

– Ждать, пока тебя найдет Эйвери Мэйсон. А когда найдет, нам надо, чтобы ты помог ей с делом. Она захочет пересказать историю Кэмерона Янга. Та была полна секса и предательства, просто золотая жила для телевидения. Работай с ней. Дай ей все, что понадобится. А в процессе, мы надеемся, что ты сможешь обнаружить какие-нибудь подробности о том, где прячется ее отец.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.